

COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

© Центр содействия международной защите, www.ip-centre.ru. Разрешение опубликовать этот перевод дано исключительно с целью его включения в базу данных Суда HUDOC.

© Centre of Assistance to International Protection, www.ip-centre.ru. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

СОВЕТ ЕВРОПЫ

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО МОИСЕЕВ ПРОТИВ РОССИИ

(Жалоба № 62936/00)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

9 октября 2008 года

Настоящее постановление вступит в силу при условиях, предусмотренных в § 2 статьи 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

В деле Моисеев против России

Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседавая Палатой в составе:

Христос Розакис, Председатель,
Нина Важич,
Анатолий Ковлер,
Элизабет Штайнер,
Ханлар Хаджиев,
Дин Шпильман,
Сверр Эрик Йебенс , *судьи*,

и Андре Вампах, заместитель регистратора секции,
посовещавшись при закрытых дверях 18 сентября 2008 года,
вынес следующее постановление, принятое в указанный день.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 62936/00) против Российской Федерации, поданной в Суд на основании статьи 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином России г-ном Валентином Ивановичем Моисеевым («заявитель») 1 ноября 2000 года.

2. Заявителя, который был освобожден от оплаты юридической помощи, в Суде представляли практикующие в Москве адвокаты г-жа К.Москаленко и г-жа К.Костромина из Центра содействия международной защите, а также практикующий в Страсбурге адвокат г-н В.Пойкерт. Правительство России («правительство») представлял г-н П.Лаптев, бывший Уполномоченный Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. Заявитель, в частности, жаловался на нарушение гарантии не подвергаться бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, на чрезмерную продолжительность своего предварительного заключения и невозможность добиться судебного рассмотрения правомерности этого заключения, несправедливость судебного разбирательства и отсутствие у суда первой инстанции независимости и беспристрастности, на чрезмерную продолжительность разбирательства его уголовного дела. Он также жаловался на непредсказуемое и ретроактивное применение уголовного закона в его деле, на необоснованные ограничения на его общение с адвокатами, на доступ к материалам дела и свидания с родственниками.

4. Решением от 9 декабря 2004 года Суд объявил жалобу частично приемлемой.

5. Заявитель и правительство представили свои соображения по существу дела (правило 59 § 1). После консультаций со сторонами Суд принял решение об отсутствии необходимости в устных слушаниях (правило 59 § 3 *in fine*).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель родился в 1946 году и проживает в Москве.

A. Задержание и предъявление обвинения

7. 3 июля 1998 года Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ) задержала южнокорейского дипломата г-на Ч. при получении некоторых материалов от заявителя, который в то время был заместителем директора Первого департамента Азии Министерства иностранных дел Российской Федерации. На следующий день г-н Ч. был объявлен *persona non grata* и покинул Россию.

8. 3 июля 1998 года в 23.30 группа в составе восьми вооруженных сотрудников ФСБ вошла в квартиру заявителя и провела там обыск. Они задержали заявителя и препроводили его в СИЗО «Лефортово».

9. 3 августа 1998 года МИД уволил заявителя за серьезные нарушения российского законодательства о государственной службе.

10. 4 июля 1998 года следователи Следственного управления ФСБ допросили заявителя в качестве подозреваемого по делу о государственной измене.

11. 6 июля 1998 года заместитель Генерального прокурора санкционировал заключение под стражу заявителя. В дальнейшем срок содержания заявителя под стражей несколько раз продлевался.

12. 13 июля 1998 года в присутствии его адвоката г-на Коновала заявителю было предъявлено обвинение в государственной измене. Он был обвинен в разглашении секретной информации представителю южнокорейской разведки.

13. 15 июля 1998 года заявитель пригласил г-на Гервиса в качестве своего адвоката.

14. 22 и 23 июля, 16 сентября и 12 ноября 1998 года следователь постановил арестовать автомобиль и гараж заявителя, 5447 долл. США и домашний компьютер в обеспечение возможной конфискации имущества заявителя в результате признания виновным.

15. 14 января, 12 марта и 20 мая 1999 года заявитель предпринимал попытки опротестовать постановления о продлении его содержания под стражей.

16. 1 февраля и 4 июня 1999 года Московский городской суд рассмотрел жалобы заявителя и отклонил их как необоснованные. Суд постановил, что следователь правильно выбрал меру пресечения с учетом тяжести обвинения и возможности у заявителя скрыться от следствия или помешать ему.

17. 10 июня 1999 года предварительное следствие было закончено и заявитель получил доступ к материалам дела.

18. 25 августа 1999 года заявителю было вручено обвинительное заключение. Заявителю не было разрешено взять копию обвинительного заключения в свою камеру, поскольку этот документ содержал секретные сведения. Заявитель мог знакомиться с обвинительным заключением в спецчасти следственного изолятора.

В. Первый обвинительный приговор и его отмена

19. 16 декабря 1999 года Московский городской суд признал заявителя виновным в соответствии с предъявленным обвинением, приговорил его к двенадцати годам лишения свободы и конфисковал его имущество.

20. 15 июня 2000 года и в другие дни заявитель и его адвокаты подали кассационные жалобы на приговор.

21. 25 июля 2000 года Верховный Суд Российской Федерации отменил приговор и направил дело в суд первой инстанции на новое рассмотрение. Он постановил следующее:

“Признавая Моисеева виновным, в совершении преступления, предусмотренного статьей 275 УК РФ, суд указал, что Моисеев в период с 1992 года по январь 1994 года... занимался... передачей южнокорейской разведке сведений и документов, составляющих государственную тайну. При этом суд ограничился лишь общим перечислением сведений и документов... и не указал, какие сведения и документы, когда именно были переданы Моисеевым. Поскольку инкриминируемые Моисееву деяния носят продолжаемый по времени характер и охватываются периодом времени с 1992-1993 гг. по июль 1998 года, в течение которого имело место изменение законодательства Российской Федерации, то установление таких данных судом имеет существенное значение для дела.

Согласно положениям части 4 статьи 29 Конституции..., перечень сведений, составляющих государственную тайну, должен быть определен федеральным законом. Такой перечень был определен федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О государственной тайне» от 6 октября 1997 года. Таким образом, до указанного времени отсутствовал соответствующий требованиям Конституции РФ перечень сведений, составляющих государственную тайну. Отсутствие в приговоре данных о времени передачи Моисеевым сведений и документов не позволяет

сделать правильный вывод о том, какие именно из инкриминируемых Моисееву действий совершены им в период действия федерального закона, соответствующего требованиям Конституции РФ, содержащего перечень сведений, составляющих государственную тайну.

Как следует из материалов дела, выводы экспертиз по определению степени секретности... сделаны... экспертами МИД РФ на основании Закона РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года, Указа Президента РФ от 30 ноября 1995 года «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» и Постановления правительства РФ от 18 сентября 1992 года «О временном перечне сведений, составляющих государственную тайну», а экспертом Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил РФ на основе Закона РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 года, Закона РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года и Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденного Указом Президента РФ от 30 ноября 1995 года.

Вместе с тем, следует учитывать, что в Законе РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года, на который делается ссылка в вышеуказанных заключениях экспертов, отсутствовал перечень сведений, составляющих государственную тайну. В статье 5 данного закона (в редакции от 21.07.1993 года) указывается лишь на сведения, которые могут быть отнесены к государственной тайне. С учетом изложенного, подлежит оценке и правильность выводов, содержащихся в заключениях экспертиз...

Принимая во внимание, что объективную сторону преступления, предусмотренного статьей 275 УК РФ, составляют указанные в ней действия лишь со сведениями, являющимися государственной тайной, суду необходимо было установить, какие из указанных в обвинительном заключении сведений и документов, переданных Моисеевым, могут быть отнесены, в соответствии с требованиями действовавшего на тот момент закона, к государственной тайне".

С. Второе судебное разбирательство

1. Суд под председательством судьи Губановой

22. 5 сентября 2000 года Московский городской суд начал слушать дело заявителя. В состав суда входили председательствующая судья Губанова и два народных заседателя.

23. Заявитель ходатайствовал об освобождении из-под стражи до суда. В тот же день суд отклонил ходатайство. Суд постановил, что содержание под стражей может быть применено к лицу, обвиненному в государственной измене, только лишь на основании опасности преступления, и потому оснований для освобождения заявителя из-под стражи нет.

24. 11 сентября 2000 года заявитель ходатайствовал перед судом об изменении примененной к нему меры пресечения. В тот же день суд отказал в удовлетворении ходатайства, постановив, что одна лишь опасность преступления является достаточным основанием, чтобы содержать его в заключении. 15 сентября 2000 года заявитель опротестовал это определение в Верховном Суде. Ходатайство не

было рассмотрено. По словам заявителя, судья Верховного Суда Галиуллин в письме председателю Московского городского суда Егоровой от 14 марта 2001 года информировал, что «не имеется оснований для ходатайства об отмене определения суда». Копия письма не была представлена Суду, однако правительство не оспорило изложение его содержания заявителем.

25. 12 сентября 2000 года один из народных заседателей был заменен другим.

2. Суд под председательством судьи Коваль

26. 24 или 29 ноября 2000 года исполняющий обязанности председателя Московского городского суда дал указание об изменении состава суда, ссылаясь на длительное отсутствие по болезни судьи Губановой. Он назначил судью Коваль и двух новых народных заседателя слушать дело.

27. В тот же день заявитель заявил отвод новому составу суда как незаконному и запросил копии решений, официально оформляющих замену, и документов, подтверждающих законность назначения новых народных заседателей, поскольку не было приведено никаких причин их замены. 1 декабря 2000 года судья Коваль отклонила отвод, указав, что дело было передано другому судье по указанию исполняющего обязанности председателя городского суда и что для этого никакого процессуального решения не требуется.

28. Заявитель обратился с жалобой в Верховный Суд. 14 марта 2001 года Верховный Суд отказал в удовлетворении жалобы. Он признал, что судья Губанова действительно болела в период с 15 ноября по 13 декабря 2000 года, а также в период с 18 декабря 2000 года по 18 января 2001 года, и потому решение о ее замене было законным и обоснованным. Верховный Суд не упомянул о назначении новых народных заседателей.

29. 1 декабря 2000 года заявитель вновь ходатайствовал об освобождении из-под стражи, утверждая о своей невиновности. Городской суд отклонил ходатайство, определив, что мера пресечения была применена в соответствии с законом и оснований изменять ее нет. Заявитель обратился с жалобой в Верховный Суд. Жалоба не была рассмотрена.

30. 10 апреля 2001 года судебное заседание было отложено до 13 июня 2001 года для перевода ряда документов с корейского языка на русский. Заявитель ходатайствовал против отложения заседания, которое продлевало срок его пребывания под стражей; городской суд отклонил ходатайство. 6 июня 2001 года Верховный Суд отказал в удовлетворении жалобы в связи с отложением судебного заседания как необоснованной.

3. Суд под председательством судьи Медведева

31. 10 июля 2001 года весь состав суда был заменен и дело передано судье Медведеву и двум новым народным заседателям. Обоснования замены приведены не были.

32. Заявитель безуспешно ходатайствовал об отмене замены состава суда.

33. 16 июля 2001 года заявитель обратился с жалобой на отклонение ходатайства в Верховный Суд, который 26 сентября 2001 года отклонил эту жалобу как необоснованную.

4. Суд под председательством судьи Комаровой

(а) Замена председательствующего судьи и народных заседателей

34. 20 июля 2001 года председатель городского суда дал указание судье Комаровой принять дело к слушанию. Судья Медведев и оба народных заседателя были заменены судьей Комаровой и двумя новыми народными заседателями – А.А.и Н.А. Основания указаны не были.

35. Заявитель заявил отвод новому составу суда; в тот же день его ходатайство об отводе было отклонено. Его ходатайство назначить запасного народного заседателя в соответствии со статьей 242 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР также осталось без удовлетворения.

36. Жалоба в Верховный Суд была рассмотрена и отклонена в обобщенном виде 26 сентября 2001 года.

(b) Новая замена народных заседателей

37. 31 июля 2001 народный заседатель А.А. вышла из процесса по семейным обстоятельствам и была заменена народным заседателем А.М.

38. Заявитель безуспешно ходатайствовал против новой замены. Его жалоба была отклонена в обобщенном виде Верховным Судом 26 сентября 2001 года.

(с) Последующие ходатайства об освобождении из-под стражи

39. 10, 20 и 31 июля 2001 года заявитель заявлял еще три ходатайства об освобождении из-под стражи. В те же дни они были отклонены Московским городским судом. Каждый раз суд постановлял, что мера пресечения применена законно и нет оснований для ее изменения или отмены.

40. 16 и 24 июля и в начале августа 2001 года заявитель обращался с жалобами на эти определения в Верховный Суд.

41. 26 сентября 2001 года Верховный Суд рассмотрел все три жалобы и оставил без изменения определения городского суда.

(d) Признание виновным

42. 14 августа 2001 года Московский городской суд признал заявителя виновным в государственной измене в форме шпионажа по статье 275 Уголовного кодекса Российской Федерации.

43. Что касается *actus reus* преступления, то суд установил, что, находясь в длительной дипломатической командировке в Сеуле в 1992-1994 годах, заявитель дал согласие на неофициальное сотрудничество с Агентством планирования национальной безопасности (АПНБ) за регулярную оплату. Во исполнение указаний АПНБ в период с начала 1994 года по 3 июля 1998 года заявитель организовал не менее 80 встреч с агентом АПНБ г-ном Ч., и передал АПНБ следующие документы, собранные по требованию АПНБ:

“- секретные, составляющие государственную тайну сведения о позиции и подходе России к дружественным отношениям, дружбе и сотрудничеству с КНДР, изложенные в двух проектах договора об основах дружественных отношений между двумя государствами: в сентябре 1995 года – сведения, содержащиеся в проекте договора об основах дружественных отношений между РФ и КНДР, в сентябре 1996 года – сведения, содержащиеся в проекте договора о дружбе и сотрудничестве между КНДР и РФ;

- осенью 1997 года секретные, составляющие государственную тайну в области военного сотрудничества и содержащиеся в стабильной справке Отдела Кореи МИД о военном сотрудничестве между Россией и КНДР..., копию с которой изготовил лично и до передачи хранил в своем служебном кабинете;

- секретные сведения, составляющие государственную тайну в области военного сотрудничества:

в ноябре 1994 года – содержащиеся в письме на имя посла РФ в КНДР от 19 сентября 1994 года относительно начала выполнения межправительственного соглашения;

в августе 1994 года – о российском предложении начать закрытые переговоры в области военного сотрудничества;

в мае 1985 года – о позиции Министерства Обороны РФ...

18 марта 1996 года – сведения в области политически значимых международных отношений, содержащиеся в двух материалах от 14 марта 1996 года...

20 июня 1996 года – о прекращении действия российско-северокорейского соглашения в области военной разведки, поступившие в МИД РФ из посольства РФ в КНДР 11 июня 1996 года;

- иные, не содержащие государственную тайну, путем передачи копий служебных документов:

в 1994 году: копии документов о переговорах заместителей министров иностранных дел России и КНДР..., списка дипломатов северокорейского

посольства КНДР, доклада о некоторых событиях во внутривнутриполитической жизни КНДР...;

в 1995 году: копии... доклада посольства РФ в Пхеньяне о политической ситуации в КНДР в 1994 году, доклада о положении в КНДР после смерти Ким Ир Сена, списка дипломатов посольства КНДР в Москве... списка российских граждан, работающих в КНДР;

в 1996 году: копии справочника руководящих работников КНДР за 1995 год..., проекта совместного коммюнике по результатам визита в Пхеньян делегации Государственной Думы и списка делегации...;

в 1997 году: копии справочника руководящих работников КНДР за 1996 год..., контракта российского "Концерн Индустрия" с внешнеэкономическим комитетом КНДР...;

в 1998 году: копии справочника руководящих работников КНДР за 1997 год..., стабильной справки о политической ситуации в КНДР..., справки посольства Российской Федерации в КНДР о положении в КНДР, документа, содержащего информацию о составе сопровождающих вице-премьера Правительства РФ в его предстоящем визите в Республику Корея...

Помимо этого, в период с 5 января 1994 по 5 ноября 1996 года г-н Моисеев устно передал южнокорейской разведке не менее 35-ти не содержащих государственную тайну сведений по различным аспектам отношений между государствами.

Получив в 1997 году от г-на Ч. список интересующих АПНБ сведений, Моисеев изготовил и передал южнокорейской разведке копии некоторых служебных документов в виде протоколов и соглашений о сотрудничестве между Россией и КНДР в различных областях".

44. Суд установил, что АПНБ выплатило заявителю не менее четырнадцати тысяч долларов США в качестве вознаграждения.

45. Суд обосновал свои выводы, в частности, показаниями самого заявителя, полученные у него в дни сразу же после задержания, и показаниями нескольких свидетелей. Большинство свидетелей названы в приговоре только по своим трем инициалам, т.е. первыми буквами имени, отчества и фамилии. У некоторых свидетелей указывалась только первая буква их фамилии.

46. Свидетель «К.Г.Б.» показал на предварительном следствии, что практически все документы, подготовленные в Министерстве иностранных дел и касающиеся двусторонних отношений России с другими странами и оценки политической и экономической ситуации в этих странах, содержат чувствительную информацию, и их огласка или передача другим государствам крайне нежелательна. Суд отметил, что 12 сентября 1990 года, приступая к работе в Министерстве иностранных дел, заявитель дал подписку о неразглашении государственной или служебной тайны. Свидетели «М.А.И.» и «И.А.Т.» показали на предварительном следствии, что заявитель имел доступ к чувствительным документам, которые интересовали южнокорейцев, и что причастность г-на Ч. к разведслужбе была

общеизвестна в кругу кореистов. Их показания на следствии были оглашены в судебном заседании, а свидетель «Т.Г.Д.» также сделал подобные устные заявления в суде. И свидетель «И.А.Т.», и свидетель «Т.Г.Д.» показали, что южнокорейцы хорошо знали вопросы, о которых не должны были бы быть осведомлены.

47. Далее суд отметил, что, по информации Службы внешней разведки РФ и Главного разведывательного управления ГШ ВС РФ, во время работы в Сеуле в период с июня 1992 года по февраль 1994 года заявитель поддерживал контакты с сотрудниками корейских разведслужб и беспечно обсуждал конфиденциальные вопросы в незащищенных помещениях. В 1996 года выяснилось, что южнокорейская разведка регулярно получает секретную информацию, к которой имел доступ заявитель, и что заявитель поддерживает личные контакты с г-ном Ч. за вознаграждение. Сотрудник Федеральной службы безопасности свидетель «М.» показал в судебном заседании, что в январе 1996 года он встречался с заявителем и информировал его о том, что г-н Ч. является официальным представителем АПНБ в Москве. Заявитель признал, что он знал об этом.

48. Ссылаясь на письмо Управления контрразведывательных операций Департамента контрразведки ФСБ РФ от 9 июля 1998 года, суд установил, что в феврале 1997 года Служба внешней разведки предоставила ФСБ копии «Проекта приказа по организации работы резидентуры АПНБ в Москве на 1997 год» и «личного агентурного дела» заявителя, из которого следовало, что заявитель был завербован АПНБ во время его пребывания в Южной Корее и включен в действующий агентурный аппарат этой службы.

49. Суд опирался на заключения экспертов для того, чтобы установить, что информация, переданная заявителем, содержала государственную тайну. Он признал следующее:

“Суд соглашается с заключениями экспертов, поскольку они проведены компетентными лицами, с соблюдением уголовно-процессуальных норм, научно аргументированы. Согласно экспертным заключениям, вышеназванные сведения раскрывают содержание российской международной политики, соглашений по взаимодействию с иностранными государствами в области военного сотрудничества и военной разведки, а также содержат политически значимую информацию.

Доводы подсудимого и его адвокатов о некомпетентности экспертов нельзя признать обоснованными, поскольку экспертные исследования проводились комиссионно, с включением в состав экспертной комиссии экспертов по ходатайству Моисеева и защиты, по их же ходатайству в ходе судебного разбирательства участвовали эксперты, проводившие в составе комиссии экспертизу на предварительном следствии, и которыми в суде были даны письменные заключения и разъяснения...”

50. Наконец, суд опроверг в следующих выражениях доводы заявителя о том, что он не может нести ответственность за разглашение государственной тайны, поскольку до внесения изменений в закон «О государственной тайне» 6 октября 1997 года не было перечня сведений, составляющих государственную тайну:

“Согласно статье 2 Закона "О государственной тайне" от 6 октября 1997 года, перечень сведений, составляющих государственную тайну, представляет собой совокупность категорий сведений, в соответствии с которыми сведения относятся к государственной тайне... Необходимость включения этого понятия в понятийный аппарат обусловлена приведением первоначального текста Закона в соответствие с Конституцией РФ. Поскольку сами сведения, составляющие государственную тайну, не могут быть в явном виде помещены в текст Закона, избран подход, трактующий Перечень как совокупность достаточно общих категорий сведений, описанных в статье 5 нового Закона.

Таким образом, предусмотренные статьями 5 Законов РФ «О государственной тайне» в редакции 1993 и 1997 годов нормы имеют лишь незначительное терминологическое несоответствие, что никоим образом не может означать, что до 6 октября 1997 года отсутствовали рычаги правового воздействия за посягательство на основы конституционного строя и безопасность российского государства.

Не основаны на законе и доводы о том, что объективную сторону преступления, предусмотренного статьей 275 УК РФ, составляют указанные в ней действия лишь со сведениями, являющимися государственной тайной. Предметом шпионажа являются сведения как составляющие государственную тайну, так и иные сведения, которые собираются или передаются по заданию иностранной разведки для использования в ущерб внешней безопасности РФ”.

51. Учитывая, что заявитель впервые привлекался к уголовной ответственности, его возраст, состояние здоровья, длительное нахождение в условиях следственного изолятора, положительные характеристики с места работы и отсутствиеотягчающих обстоятельств, суд применил положение об «исключительных обстоятельствах» статьи 64 Уголовно-процессуального кодекса* и приговорил его к сроку меньшему, чем предусмотрено санкцией соответствующей статьи, а именно к четырем годам и шести месяцам лишения свободы в колонии строгого режима, с зачетом содержания под стражей с 4 июля 1998 года и конфискацией его имущества.

52. 26 декабря 2001 года и в другие дни заявитель и три его адвоката направили кассационные жалобы в Верховный Суд. Они утверждали о нарушениях прав заявителя, гарантированных российской Конституцией и различными статьями Конвенции. Затронутые в кассационных жалобах вопросы по существу те же, что и поставленные перед данным Судом.

53. 9 января 2002 года Верховный Суд оставил приговор без изменения. Суд отвел аргументы защиты и постановил, что суд первой

* Так в тексте оригинала (прим. переводчика)

инстанции и следствие действовали в течение всего разбирательства дела в полном соответствии с внутренним и международным правом. Не было нарушений закона, которые могли бы позволить считать приговор необоснованным или незаконным. Верховный Суд дословно воспроизвел аргументацию городского суда, касающуюся уголовной ответственности за разглашение государственной тайны.

D. Условия содержания и транспортировки

1. Условия содержания под стражей

54. С 4 июля 1998 года по 25 января 2002 года заявитель содержался в следственном изоляторе «Лефортово», находящемся в ведении Федеральной службы безопасности.

55. По утверждению правительства, заявитель содержался в двухместной камере, площадью 8,2 кв. метра. Камера была оснащена отоплением, принудительной вентиляцией, открывающейся форточкой, мебелью, холодильником, телевизором, раковиной и унитазом. У заявителя было отдельное спальное место и постельные принадлежности. Три раза в день он получал пищу в соответствии с установленными нормами. Заявителю выдавались столовые принадлежности, предметы личной гигиены, а также книги и журналы из библиотеки. Один час в день он имел возможность для прогулки.

56. По утверждению заявителя, камера площадью 8,2 кв. м предназначалась для троих, и в ней было три койки, вмонтированные в бетонный пол и стены. Он находился в камере еще с двумя сокамерниками в феврале и марте 2000 года, а затем с 19 сентября 2000 года по 15 января 2001 года. Из мебели в камере было два небольших столика и открытая полка, которую заключенные с издевкой называли «телевизором», поскольку было видно все, на ней находящееся. В противоположность утверждениям правительства, в камере не было холодильника или телевизора.

57. Расположенный в углу камеры унитаз не имел сливного бачка, и заключенные наливали в раковине таз воды для смыва нечистот. Туалет не был отделен от жилой зоны; заявитель был вынужден пользоваться туалетом и накладывать мазь для лечения геморроя в присутствии сокамерников и надзирателей, которые наблюдали за ними через глазок в двери. Заключенные сами убрали камеру. Веник, совок или моющее средство им не выдавались. Время от времени они получали 100 г каустической соды для дезинфекции унитаза. Раз в неделю заявитель мог пользоваться душем и получал 50 г хозяйственного мыла для мытья.

58. Камера было слабо освещена двумя лампочками по 40-60 ватт, находящимися на потолке и прикрытыми металлической решеткой и

матовым стеклянным плафоном. Электрическое освещение никогда не выключалось. В оконной раме также было матовое стекло. Прогулочные дворики располагались на крыше изолятора и их площадь составляла около 10 кв. метров. Стены были высотой три метра, а верх затянут металлической решеткой и сеткой.

59. 5 декабря 2001 года заявитель обратился в Лефортовский районный суд Москвы с жалобой на общие условия содержания, недостаточную медицинскую помощь, скудное питание и на отсутствие возможности уединения в камере. В этот же день к нему пришли начальник изолятора и начальник медчасти и спросили о причинах обращения с вышеуказанной жалобой. Начальник изолятора имел отпечатанную копию изначально от руки написанной жалобы заявителя, хотя она ни в коей мере не была адресована администрации изолятора.

60. 17 декабря 2001 года Лефортовский районный суд предложил заявителю до 27 декабря 2001 года указать орган, на который он жалуется, и заплатить судебную пошлину. Заявитель получил это определение только 27 декабря 2001 года. В этот же день суд отклонил жалобу заявителя, поскольку не были выполнены предписания от 17 декабря 2001 года. Копию этого определения заявителю вручили 8 января 2002 года, а на следующий день его приговор вступил в законную силу.

2. Условия транспортировки из изолятора «Лефортово» в Московский городской суд и обратно

61. Заявителя транспортировали из следственного изолятора в суд и обратно более 150 раз.

62. Тюремные автомобили, в котором перевозили заявителя, имели пассажирский отсек 3,8 м в длину, 2,35 м в ширину и 1,6 м в высоту. Этот отсек разделен на два многоместных отделения, рассчитанных на двенадцать заключенных каждый, и одно одноместное отделение. Отделения оборудованы жесткими скамейками. Пассажирский отсек фургона, помимо камер для заключенных, включал в себя помещение у входа шириной 1,5 метра для двух милиционеров. По утверждению правительства, заявителя помещали в одноместное отделение на основе письменного требования администрации изолятора с тем, чтобы предотвратить его общение с другими заключенными (копия такого требования не была представлена Суду). По словам заявителя, его обычно помещали в многоместное отделение, где находилось до восемнадцати заключенных, которые вынуждены были стоять или сидеть друг у друга на коленях. Даже когда его помещали в крохотное одноместное отделение, он там находился вместе с другим человеком, и они вынуждены были по очереди сидеть друг у друга на коленях. Его

никогда не транспортировали в одиночку, и он не мог быть изолирован от других людей, поскольку автомобиль был очень переполнен.

63. Правительство утверждало, что отопители и внутреннее освещение тюремных автомобилей запитывались от двигателя. В автомобилях была естественная вентиляция через аварийные люки и дополнительные люки с регулируемым притоком воздуха. Пассажирский отсек убирался и дезинфицировался ежедневно. Заявитель настаивал, что естественного притока воздуха через аварийные люки было недостаточно и летом было душно. Более того, поскольку люки расположены в помещении для охранников, то они открывали и закрывали люки, когда им заблагорассудится. Зимой при неработающем двигателе отопления не было, и заключенные часами сидели взаперти в очень холодных машинах на пунктах сбора. Пол отсека был ужасно грязным, на нем были разбросаны окурки, остатки пищи и упаковки, пластиковые бутылки и пакеты с мочой; пользоваться туалетом во время транспортировки было невозможно.

64. По утверждению правительства, время в пути от изолятора «Лефортово» до Московского городского суда и обратно не превышало тридцати минут. Заявитель отмечал, что для участия в судебных заседаниях его обычно увозили из следственного изолятора рано утром и обратно не привозили ранее, чем через десять – пятнадцать часов. Дорога из Московского городского суда в изолятор «Лефортово» значительно превышала тридцать минут, поскольку по пути машина заезжала или в изолятор «Матросская тишина», или в изолятор «Бутырка», которые служили сборочными пунктами для заключенных. В результате этого, время в пути составляло от трех до восьми часов. В качестве примера заявитель привел следующие данные: 26 декабря 2000 года время в пути из суда в изолятор составляло 3 час. 10 мин., 11 января 2001 года – 4 час. 30 мин., 17 января 2001 года – 4 час. 15 мин., 5 февраля 2001 года – 3 час. 20 мин. 27 июля 2001 года – 3 час. 30 мин. в суд и 4 час. 20 мин. из суда, 30 июля 2001 года 4 час. 50 мин., 3 августа 2001 года – 5 час. 20 мин., 9 августа 2001 года – 5 час. 50 мин. (до 1.10 ночи).

65. Заявитель так описывал условия своей транспортировки в жалобе от 25 декабря 2000 года в Генеральную прокуратуру (повторно направлена 25 января 2001 года):

“22 декабря 2000 года, выехав из здания Мосгорсуда около 17 часов, я был доставлен в следственный изолятор ФСБ (Лефортово) в 1 час 15 минут ночи следующего дня, т.е. через 8 часов. Все это время я находился в неотапливаемом автомобиле для перевозки заключенных при температуре воздуха около 10 градусов мороза, без какой-либо еды и питья и даже без возможности посетить туалет. В секциях автомобиля находилось до 18 человек: люди вынуждены были стоять, сидеть на коленях друг у друга. В результате такого «путешествия» у меня появились симптомы простуды, обострился гастродуоденит, появились головные боли и другие симптомы, связанные с длительным сидением на

холодных лавках в морозную погоду. Такой факт не является исключением: 19 декабря с.г., например, выезд из здания Мосгорсуда состоялся лишь приблизительно в 21 час 30 минут при том, что судебное заседание закончилось около 17 часов. Прибытие в следственный изолятор состоялось приблизительно в 23 часа. Аналогичные факты имели место и после этого: вместо 10-15 минут, если ехать без задержек, как правило, на доставку в изолятор уходит от 3 до 8 часов”.

66. 28 апреля командир милицейского конвойного полка ответил заявителю, что на неназванного офицера полка, нарушившего установленные правила, наложено взыскание.

67. 13 февраля 2001 года заявитель безуспешно пытался пожаловаться на условия транспортировки администрации следственного изолятора. Подобная же жалоба в Генеральную прокуратуру 13 августа 2001 года имела следствием следующий ответ от 23 ноября 2001 года из ГУВД Москвы:

“Задержки в транспортировке вызваны объективными причинами. Приняты меры по недопущению подобного в будущем”.

68. В августе 2001 года заявитель пожаловался на унижающие достоинство и бесчеловечные условия транспортировки ведущему делу судье. Его заявление было занесено в протокол судебного заседания, и судья обещала связаться с соответствующими инстанциями для поиска пути улучшения ситуации.

69. Заявитель также указывал на ужасные условия транспортировки в следственный изолятор и обратно в своей жалобе в Лефортовский районный суд от 5 декабря 2001 года (см. выше пункт 59).

3. Условия содержания в Московском городском суде

70. В дни судебных заседаний заявителя содержали в конвойных камерах Московского городского суда. Более десяти раз – 7 и 21 сентября, 1, 15, 20 и 23 ноября, 5 и 19 декабря 2000 года, 11 и 29 января, 1 февраля, 5 и 21 марта 2001 года – заявителя привозили в здание суда, а судебных заседаний не было, и его держали в камере конвойного помещения весь день.

71. По словам правительства, конвойные камеры имеют стандартные размеры: 1,95 м – длина, 1 м – ширина и 3,1 м – высота, а заявитель содержался в них один, чтобы предотвратить его общение с другими заключенными. Заявитель утверждал, что площадь конвойной камеры составляет один квадратный метр, и их называют «каменными стаканами», поскольку пол и стены покрыты «бетонной шубой», а высота почти вдвое превышает длину и ширину. Он никогда не был в конвойной камере один, а иногда находился в ней с больными туберкулезом.

72. Правительство указывало, что конвойные камеры оборудованы встроенной в пол скамейкой, принудительной вентиляцией, обогревом,

освещением и металлической дверью с глазком. В холодное время года средняя температура внутри составляет 22 градуса. Камеры ежедневно убираются и раз в неделю дезинфицируются. В конвойном помещении имеется туалет, в который заключенные могут ходить, когда им захочется.

Заявитель утверждал, что на встроеной в пол скамейке едва могли уместиться два человека, третий человек вынужден был стоять. Камера освещена маленькой лампочкой, спрятанной за металлической решеткой, которая не давала достаточно света для чтения. Пол и скамейка были грязными и покрыты окурками, остатками пищи и обрывками бумаги. В камере не было окон, и единственным отверстием был глазок в двери. Обогрева и принудительной вентиляции не было, воздух был тяжелым от табачного дыма куривших в камерах заключенных и милиционеров, куривших в коридоре. Посещать туалет можно было два-три раза за день по приказу конвойного; вызвать конвойного из камеры было невозможно. Заявитель никогда не получал в камере конвойного помещения никакого питания (горячей пищи или сухого пайка).

Е. Ограничения на свидания с родственниками

73. Заявитель не имел свиданий с родственниками с 3 июля 1998 года по 9 апреля 1999 года.

74. 25 января 1999 года жена заявителя обратилась к следователю с просьбой разрешить свидание с мужем. 10 февраля ее просьба была отклонена со ссылкой на характер дела заявителя и тяжесть обвинений против него. Следователь счел свидание «нецелесообразным».

75. 22 февраля 1999 года заявитель обратился к следователю с просьбой о свидании с женой. 26 февраля ему было отказано, так как свидание было сочтено «нецелесообразным на данный момент».

76. 10 марта 1999 года жена заявителя обратилась с жалобой на решение следователя в Генеральную прокуратуру. В письме от 30 марта 1999 года Главная военная прокуратура ответила, что в вопросе свиданий с родственниками следователь может полностью действовать по своему усмотрению, и в данном случае он действовал в рамках своих полномочий.

77. 18 марта 1999 года заявитель написал жалобу в Главную военную прокуратуру. Он указал, в частности, что не видел своих родных более восьми месяцев и что следователь обещал ему разрешить свидание, если он отзовет свою жалобу в суд на незаконность содержания под стражей. 2 апреля 1999 года прокуратура ответила, что Следственному управлению ФСБ дано указание «решить вопрос» свидания.

78. 5 апреля 1999 года заявитель обратился с просьбой разрешить свидание с дочерью и женой. Разрешение было дано только на свидание с дочерью, и 9 апреля 1999 года она пришла к нему.

79. 11 мая 1999 года заявитель обратился с просьбой разрешить свидание с женой. 24 мая 1999 года его жене разрешили свидание с ним.

80. В последующем свидания с родственниками заявителю разрешались не чаще двух раз в месяц, каждый раз не более чем по часу. Во время свиданий заявитель был отделен от родственников стеклянной перегородкой и говорил с ними по внутреннему телефону. При этом присутствовал надсмотрщик.

81. Заявитель не имел свиданий с родственниками с 3 марта по 5 сентября 2000 года.

82. 25 июля 2001 года дочь заявителя обратилась с просьбой о свидании с отцом. Ей было отказано, поскольку 9 июня 2001 года она уже приходила к нему на свидание вместе с матерью, и это считалось как два свидания, а по закону можно только два свидания с родственниками в месяц.

83. 26 июля 2001 года она обжаловала этот отказ в Московском городском суде и Генеральной прокуратуре, указывая *inter alia* на нарушение статьи 8 Конвенции. Через неделю она получила разрешение на свидание с заявителем.

84. В период с 7 декабря 2001 года по 10 января 2002 года разрешения на свидания не выдавались.

Г. Общение с адвокатами и подготовка защиты

1. Ограничения на общение с адвокатами

85. Во время всего разбирательства дела адвокаты заявителя могли встречаться с ним только на основе одноразовых разрешений. На стадии предварительного следствия разрешения выдавали следователи Федеральной службы безопасности, во время суда – судья.

86. 26 апреля и 4 мая 2000 года одна из адвокатов заявителя г-жа Москаленко обратилась в Верховный Суд Российской Федерации с просьбой о выдаче разрешения на встречи с заявителем без ограничений. В обоих случаях секретарь давала ей разрешение только на «встречу». Однако, уступая требованиям г-жи Москаленко, каждый раз секретарь делала рукописные исправления, заменяя единственное число на множественное.

87. 26 апреля 2000 года сотрудники изолятора «Лефортово» сочли выданный Верховным Судом документ за одноразовое разрешение, поскольку он содержал рукописные исправления, а изначально в нем была указана одна встреча.

88. 5 мая 2000 года г-жа Москаленко попыталась подать письменное заявление начальнику изолятора «Лефортово» с просьбой разрешить встречи с заявителем без ограничений. Сотрудники изолятора отказались принять ее заявление и сказали, что она не может встретиться с начальником изолятора.

89. Впоследствии заместитель начальника изолятора «Лефортово» пришел к заведующей Юридической консультацией № 10, где работала г-жа Москаленко, и заявил, что г-жа Москаленко подделала разрешение на посещение заявителя; он угрожал возбуждением уголовного дела в отношении г-жи Москаленко. Г-жа Москаленко отвергла все эти обвинения.

90. 1 июня 2000 года Верховный Суд выдал г-же Москаленко отпечатанное разрешение на «встречи» с заявителем. По заявлению правительства, 23 мая 2001 года г-же Москаленко не разрешили встретиться с заявителем, так как она не представила ордер юридической консультации на защиту его интересов.

91. 21 августа, 12 сентября и 17 октября 2001 года одна из адвокатов заявителя г-жа Костромина безуспешно обращалась в суд первой инстанции с просьбой о получении многократного разрешения на встречи с заявителем.

92. 25 октября 2001 года Конституционный суд постановил, что пункт 15 статьи 16 Закона О содержании под стражей, который позволял властям требовать, чтобы встреча арестованного с адвокатом санкционировалась следователем или судом, не соответствует конституционному праву на юридическую помощь в уголовных делах в том, что ставит осуществление права на защиту в зависимость от усмотрения органа, в производстве которого находится дело (Постановление № 14-Р).

93. 10 января 2002 года, после того, как приговор вступил в законную силу, г-жа Костромина получила разрешение на неограниченные встречи с заявителем.

2. Ограничения на доступ к материалам дела и записям

94. Во время предварительного следствия обвинительное заключение хранилось в спецотделе следственного изолятора. Заявитель имел доступ к нему по письменному разрешению администрации. Его адвокаты получили доступ к обвинительному

заклучению после начала судебных слушаний в специальной канцелярии Московского городского суда.

95. Любой обмен документами между заявителем и его адвокатами был возможен только через администрацию следственного изолятора и по ее письменному разрешению. Прежде чем передать, администрация изучала документы.

96. Во время суда заявитель мог делать записи только в специальных тетрадях, которые хранились вместе с обвинительным заключением в специальной канцелярии городского суда. Те же требования предъявлялись и адвокатам заявителя, которым было предписано хранить все относящиеся к делу документы, записи и копии ходатайств в специальной канцелярии.

97. По словам заявителя, его пристегивали за руку к столу или стулу, когда он знакомился с делом в здании Московского городского суда после окончания судебного заседания. Он должен был сидеть в неудобной позе, и через некоторое время его пристегнутая рука немела. Кроме того, когда его пристегивали за правую руку, он не мог пользоваться ручкой и делать выписки. Время, отводимое для ознакомления с делом, определялось по усмотрению надзирателей. Правительство утверждало, что наручники на заявителя надевались только во время следования на заседание и обратно.

98. 29 октября 2001 года заявитель обратился в Московский городской суд с жалобой на ненадлежащие условия подготовки защиты. Жалоба осталась без ответа.

II. ОТНОСИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

A. Относимое уголовное законодательство

99. Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 27 октября 1960 года (действовал до 31 декабря 1960 года) предусматривал следующее:

Статья 64 Измена Родине

“(а) Измена Родине, то есть деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству,... наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или смертной казнью с конфискацией имущества”.

Статья 65 Шпионаж

“Передача, а равно похищение или собирание с целью передачи иностранному государству, иностранной организации или их агентуре сведений, составляющих государственную или военную тайну, а также передача или собирание по заданию иностранной разведки иных сведений для использования их в ущерб интересам СССР, если шпионаж совершен иностранцем или лицом без гражданства, наказывается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет с конфискацией имущества или смертной казнью с конфискацией имущества”.

100. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года (вступил в силу с 1 января 1997 года) предусматривает следующее:

Статья 275 Государственная измена

“Государственная измена, то есть шпионаж, выдача государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации, совершенная гражданином Российской Федерации, наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с конфискацией имущества...”

Статья 276 Шпионаж

“Передача, а равно собирание, похищение или хранение в целях передачи иностранному государству, иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, а также передача или собирание по заданию иностранной разведки иных сведений для использования их в ущерб внешней безопасности Российской Федерации, если эти деяния совершены иностранным гражданином или лицом без гражданства, наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет”.

Государственная тайна

101. Конституция от 12 декабря 1993 года предусматривает:

Статья 15

“3. Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения”.

Статья 29

“4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом”.

102. 21 сентября 1993 года был принят Закон «О государственной тайне» (Закон № 5485-1) В его статье 5 говорится следующее:

“Сведения, которые могут быть отнесены к государственной тайне:

...

2) сведения в области экономики, науки и техники...

() сведения в области внешней политики и экономики:

о внешнеполитической... деятельности Российской Федерации, преждевременное распространение которых может нанести ущерб ее интересам;...”

103. В статье 9 описывается порядок отнесения сведений к государственной тайне. Полномочиями отнесения сведений к государственной тайне наделены руководители органов государственной власти. Закон не содержит перечня таких руководителей, который должен быть утвержден президентом. Президент также должен утвердить перечень сведений, относящихся к государственной тайне, который должен быть официально опубликован.

104. 16 марта, 26 и 27 октября 1995 года Государственная дума, отмечая, что отсутствие перечня сведений, относящихся к государственной тайне, «лишает правоохранительные органы правовой базы для осуществления их обязанностей по защите безопасности государства, общества и личности», обращалась к правительству с просьбой подготовить для одобрения президентом проект указа, содержащий перечень сведений, относящихся к государственной тайне.

105. 30 ноября 1995 года президент подписал Указ № 1203 «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне». В пунктах 23-30 перечня перечислены сведения, относящиеся к государственной тайне, касающиеся внешней политики и внешней торговли, и наделяются полномочиями относить такие сведения к государственной тайне Министерство иностранных дел, Министерство обороны, Министерство внешних экономических связей, Служба внешней разведки и другие органы.

106. 20 декабря 1995 года Конституционный Суд рассмотрел соответствие Закона «О государственной тайне» Конституции и постановил следующее:

“4... государство вправе относить те или иные сведения в области военной, экономической и других видов деятельности, распространение которых может нанести ущерб обороне страны и безопасности государства, к государственной тайне. В связи с этим статьей 29 (часть 4) Конституции Российской Федерации предусмотрено, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом. Государство вправе также определять средства и способы охраны государственной тайны, в том числе устанавливать уголовную ответственность за ее разглашение и выдачу иностранному государству.

Однако в силу указанной конституционной нормы уголовная ответственность за выдачу государственной тайны иностранному государству правомерна лишь

при условии, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, содержится в официально опубликованном для всеобщего сведения федеральном законе. Правоприменительное решение, включая приговор суда, не может основываться на неопубликованном нормативном правовом акте, что вытекает из статьи 15 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Реализация требований статьи 29 (часть 4) Конституции Российской Федерации обеспечивается Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 года «О государственной тайне», в котором определено понятие государственной тайны и указаны сведения, относимые к государственной тайне.

Таким образом, установление уголовной ответственности за выдачу государственной или военной тайны иностранному государству не противоречит Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 3), 29 (часть 4), 55 (часть 3).

107. 6 октября 1997 года был принят федеральный закон (№ 131-ФЗ), вносящий поправки в Закон «О государственной тайне». Статья 5 Закона «О государственной тайне» была изменена следующим образом:

“Государственную тайну составляют: ...

(3) сведения в области внешней политики и экономики...”

В измененной статье 5 перечислены сведения, составляющие государственную тайну.

108. 17 апреля 2000 года Верховный Суд, рассмотрев кассационный протест прокурора на оправдательный приговор г-ну Никитину по обвинению по статьям 275 и 283 часть 1 Уголовного кодекса (дело № 78-000-29), оставил приговор без изменения, указав следующее:

“Оправдывая Никитина за отсутствием в его действиях составов вмененных ему преступлений, суд исходил из того, что в период с 12 декабря 1993 года по 30 ноября 1995 года отсутствовало законодательное определение сведений, относящихся к государственной тайне...”

Согласно положениям части 4 статьи 29 Конституции РФ... перечень сведений, составляющих государственную тайну, должен быть определен федеральным законом. Такой перечень впервые был определен федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О государственной тайне» от 6 октября 1997 года. Принимая во внимание, что в период совершения Никитиным вмененных ему действий отсутствовал соответствующий требованиям Конституции РФ перечень сведений, составляющих государственную тайну, сведения, собранные... и разглашенные, не могут быть признаны содержащими государственную тайну. Поскольку объективную сторону преступлений, предусмотренных статьями 275 и 283 УК РФ составляют указанные в них действия лишь со сведениями, являющимися государственной тайной, те же действия с другими сведениями не могут быть признаны государственной изменой и разглашением государственной тайны...

Закон Российской Федерации «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года в отношении Никитина применению не подлежал, поскольку в нем отсутствовал перечень сведений, составляющих государственную тайну, а в

статье 5 названного закона говорилось только о сведениях, которые могут быть отнесены к государственной тайне. Между тем в части 4 статьи 29 Конституции РФ содержится требование об определении указанного перечня федеральным законом. Поскольку в статье 5 Закона РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года и части 4 статьи 29 Конституции РФ речь идет о различных объектах, с утверждением кассационного протеста о наличии в этих актах лишь терминологического несоответствия согласиться нельзя...”

С. Назначение судей и изменение состава суда

109. Статья 21 Закона «О государственной тайне» и статья 2 Закона «О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации» предусматривают, что судьи, имеющие допуск к государственной тайне, имеют право на дополнительные финансовые выплаты. Полномочия устанавливать конкретные суммы таких выплат предоставлены правительству и другим государственным органам, таким как Министерство юстиции.

110. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР предусматривает:

Статья 241. Неизменность состава суда при разбирательстве дела

“Каждое дело должно быть рассмотрено в одном и том же составе судей. Если кто-либо из судей лишен возможности продолжать участвовать в заседании, он заменяется другим судьей и разбирательство дела начинается сначала, за исключением случаев, предусмотренных статьями 242 настоящего Кодекса.

Статья 242. Запасный народный заседатель

“По делу, требующему продолжительного времени для его разбирательства, может быть вызван запасный народный заседатель. Запасный народный заседатель присутствует в зале судебного заседания с начала разбирательства данного дела и в случае выбытия народного заседателя заменяет его. Если запасный народный заседатель, вступивший на место выбывшего, не требует возобновления судебных действий, разбирательство дела продолжается”.

111. Закон «О судостроительстве» (закон РСФСР от 8 июля 1981 года) устанавливает, что председатель суда может назначать судей в качестве председательствующих и распределять обязанности между судьями (статьи 26 (1) и 37 (4) и (11)). Закон предусматривает, что народные заседатели при осуществлении правосудия пользуются теми же правами, что и профессиональные судьи (статья 11).

112. Закон «О статусе судей» (закон № 3132-1 от 26 июня 1992 года) предусматривает:

Статья 6.2

Полномочия председателей и заместителей председателей судов

“1. Председатель суда наряду с осуществлением полномочий судьи соответствующего суда, а также процессуальных полномочий, установленных для председателя суда федеральными конституционными законами и федеральными законами, осуществляет следующие функции:

(1) организует работу суда;

...

(3) распределяет обязанности между заместителями председателя, а также в порядке, установленном федеральным законом, - между судьями”.

D. Содержание под стражей и сроки судебного разбирательства

113. Конституция устанавливает, что для заключения обвиняемого под стражу или продления срока его содержания под стражей необходимо судебное решение (статья 22). В рассматриваемый период решение о предварительном заключении под стражу могло быть принято прокурором или судом (статьи 11, 89 и 96 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР – «УПК»).

114. До 14 марта 2001 года заключение под стражу в качестве меры пресечения применялось по делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы, по крайней мере, один год (статья 96 УПК). Поправка от 14 марта 2001 года отменила положение, позволяющее заключение под стражу обвиняемых по мотивам одной лишь опасности совершенного ими преступления.

115. После ареста подозреваемый мог быть заключен под стражу «за следствием» первоначально на два месяца (статья 97 УПК). Дальнейшее продление могло санкционироваться прокурорами по восходящей степени подчиненности.

116. После завершения следствия, получения обвиняемым обвинительного заключения и ознакомления им с материалами дела, дело передавалось в суд. С этого дня обвиняемый находился под стражей «за судом». До 14 марта 2001 года Уголовно-процессуальный кодекс не устанавливал временного предела содержания под стражей «за судом». 14 марта 2001 года была добавлена новая статья 239-1, в которой устанавливалось, что срок содержания под стражей «за судом» не может, как правило, превышать шести месяцев со дня поступления дела в суд.

E. Свидания и переписка

117. Закон О содержании под стражей (Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» № 103-ФЗ от 15 июля 1995 года) предусматривает следующее:

Статья 16. Внутренний распорядок в местах содержания под стражей

“В целях обеспечения режима в местах содержания под стражей Министерством юстиции, Министерством внутренних дел, Федеральной службой безопасности, Министерством обороны по согласованию с

Генеральным прокурором утверждаются Правила внутреннего распорядка в местах содержания под стражей.

Правилами внутреннего распорядка устанавливается порядок:

...

7) получения и отправления подозреваемыми и обвиняемыми телеграмм, писем, денежных переводов;

...

15) проведения свиданий подозреваемых и обвиняемых с лицами, перечисленными в статье 18 настоящего Федерального закона...”

Статья 17. Права подозреваемых и обвиняемых

“Подозреваемые и обвиняемые имеют право:

...

5) на свидания с родственниками и иными лицами, перечисленными в статье 18;

6) хранить при себе документы и записи, относящиеся к уголовному делу либо касающиеся вопросов реализации своих прав и законных интересов...

...

8) вести переписку и пользоваться письменными принадлежностями”.

Статья 18. Свидания с защитниками, родственниками и иными лицами

“С момента задержания подозреваемым и обвиняемым предоставляются свидания с защитником наедине. Количество и продолжительность свиданий не ограничиваются. Свидания предоставляются: с адвокатом, участвующим в деле в качестве защитника, - по предъявлении им ордера соответствующего адвокатского образования... а также документа, удостоверяющего его личность.

...

Подозреваемым и обвиняемым на основании письменного разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, может быть предоставлено не более двух свиданий в месяц с родственниками и иными лицами продолжительностью до трех часов каждое...”

Статья 20. Переписка

“Подозреваемым и обвиняемым разрешается вести переписку с родственниками и иными лицами без ограничения числа получаемых и отправляемых телеграмм и писем...

Переписка подозреваемых и обвиняемых осуществляется только через администрацию места содержания под стражей и подвергается цензуре. Цензура осуществляется администрацией места содержания под стражей, а в случае необходимости лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело ...”

ЗАКОН

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С УСЛОВИЯМИ СОДЕРЖАНИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ ПОД СТРАЖЕЙ

118. Заявитель жаловался на то, что условия его содержания в следственном изоляторе «Лефортово» не соответствовали статье 3 Конвенции, которая предусматривает:

“Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию”.

A. Аргументы сторон

119. Заявитель утверждал, что площадь, приходящаяся на каждого заключенного, была недостаточна, что туалет не обеспечивал уединения, что освещение было тусклым и что он должен был получать продукты питания и средства гигиены, покупая их в ларьке следственного изолятора, или от жены. Он жаловался на то, что подчиненность следственного изолятора «Лефортово» Федеральной службе безопасности противоречит принципу верховенству закона и принципу отделения пенитенциарной системы от следственных органов, поскольку начальник СИЗО «Лефортово» был также и начальником Следственного управления ФСБ.

120. Правительство утверждало, что проверка Генеральной прокуратурой не установила каких-либо нарушений прав заявителя, предусмотренных статьей 3 Конвенции, в отношении условий содержания в «Лефортово». Оно воздержалось от комментариев относительно материальных условий содержания заявителя.

B. Оценка Суда

121. Как Суд неоднократно отмечал, в статье 3 закреплены одни из фундаментальных ценностей демократического общества. Конвенция категорически запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание независимо от обстоятельств или поведения жертвы (см. *Balogh v. Hungary*, no. 47940/99, § 44, 20 July 2004, and *Labita v. Italy* [GC], no. 26772/95, § 119, ECHR 2000-IV). Суд постоянно подчеркивал, что рассматриваемые страдания и унижения должны в любом случае превосходить тот неизбежный элемент страданий и унижения, который связан с конкретной формой законного обращения или наказания. Хотя меры, лишаящие человека свободы, часто содержат такой элемент, в соответствии со статьей 3

Конвенции государство должно обеспечить, чтобы человек содержался в заключении в условиях, совместимых с уважением его человеческого достоинства, и чтобы способ и метод применения этих мер не подвергал его страданиям или мукам, превышающим неизбежный уровень страданий, присущий содержанию под стражей (см. *Kudła v. Poland* [GC], no. 30210/96, §§ 92-94, ECHR 2000-XI).

122. Заявитель провел три года и шесть месяцев в московском следственном изоляторе. Хотя жалоб на перенаселенность по сравнению с расчетной заполняемостью и нехватку спальных мест не было (см. в противоположность *Grishin v. Russia*, no. 30983/02, § 89, 15 November 2007, и *Kalashnikov v. Russia*, no. 47095/99, § 97, ECHR 2002-VI), условия в изоляторе были, тем не менее, чрезвычайно стесненными. Заявитель находился в восьмиметровой камере еще с одним или двумя сокамерниками, из чего следует, что на каждого заключенного приходилось от 2,6 до 4 кв. м жилой площади.

123. Суд повторяет, что в некоторых делах нехватка площади в расчете на заключенного в следственных изоляторах России была столь значительна, что сама по себе служила основанием установления нарушения статьи 3 Конвенции. В таких делах на заявителей обычно приходилось менее трех квадратных метров площади (см. например, *Lind v. Russia*, no. 25664/05, § 59, 6 December 2007; *Kanttyrev v. Russia*, no. 37213/02, §§ 50-51, 21 June 2007; *Andrey Frolov v. Russia*, no. 205/02, §§ 47-49, 29 March 2007; *Mayzit v. Russia*, no. 63378/00, § 40, 20 January 2005; и *Labzov v. Russia*, no. 62208/00, § 44, 16 June 2005). В противоположность этому, в делах, где перенаселенность была не столь значительна для того, чтобы сама по себе поднять вопрос по статье 3 Конвенции, Суд отмечал другие аспекты материальных условий содержания под стражей как относимые для его оценки о соответствии положениям этой статьи. Такие аспекты, в частности, включали возможность пользоваться туалетом в уединении, наличие вентиляции, доступ к дневному свету и свежему воздуху, достаточность отопления и соответствие основным санитарным требованиям. Таким образом, даже в делах, где рассматривалась большая камера изолятора, с площадью на человека 3-4 метра, Суд находил нарушение статьи 3, поскольку фактор площади увязывался с установленной недостаточной вентиляцией и освещением (см., например, *Babushkin v. Russia*, no. 67253/01, § 44, 18 October 2007; *Trepashkin v. Russia*, no. 36898/03, § 94, 19 July 2007, и *Peers v. Greece*, no. 28524/95, §§ 70-72, ECHR 2001-III).

124. В крохотной камере, где содержался заявитель, имелось три койки, два небольших столика, раковина и туалет. Эти предметы еще более уменьшали площадь для заключенных. Особую озабоченность для Суда представляет отсутствие перегородки или ширмы между жилой зоной и туалетом, не оснащенным какой-либо системой смыва.

Такое тесное соседство было не только неприемлемо с санитарно-гигиенической точки зрения, но также лишало заключенных, пользующихся туалетом, какой-либо уединения. Это обстоятельство должно было приносить особую боль заявителю, который лечился от геморроя и вынужден был прикладывать лекарственные средства на виду у сокамерников и надзирателей, наблюдавших в дверной глазок.

125. Суд отмечает, что в течение всего периода нахождения под стражей доступ заявителя к естественному свету и свежему воздуху был значительно ограничен до такой степени, что он практически отсутствовал. В окно его камеры было вставлено матированное стекло, которое в значительной степени ограничивало поступление естественного света вовнутрь, что требовало постоянного использования искусственного освещения. Представляется, что окно не открывалось и воздух поступал только через систему принудительной вентиляции. Возможность прогулки была ограничена одним часом в день. Из этого следует, что три с половиной года заявитель был практически заперт в своей камере, без прозрачного окна или доступа к свежему воздуху (сравни упоминавшееся выше дело *Peers*, § 75). Более того, прогулочные дворiki едва ли могли дать возможность для прогулки, будучи только на два квадратных метра больше камеры. Они были окружены трехметровыми стенами, выход на небо был затянут металлической решеткой и частой сеткой. Очевидно, что ограниченное пространство в совокупности с недостатком открытых мест снижало возможности прогулочных двorиков в плане восстановления сил и здоровья. К тому же, в дни судебных слушаний он был лишен возможности для прогулок.

126. Учитывая кумулятивный эффект всех этих факторов, Суд считает, что факт того, что заявитель был обязан почти четыре года жить, спать и пользоваться туалетом в плохо освещенной и вентилируемой камере, не имея возможности для должной прогулки на свежем воздухе, должен был принести ему страдания или муки такой интенсивности, которая превосходила неизбежный уровень страданий, присущий заключению. Отсюда следует, что условия его содержания под стражей были бесчеловечными и унижающими человеческое достоинство.

127. Следовательно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с содержанием под стражей заявителя в следственном изоляторе «Лефортово».

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С УСЛОВИЯМИ ТРАНСПОРТИРОВКИ ЗАЯВИТЕЛЯ В СУД И ИЗ СУДА

128. Заявитель жаловался на то, что его перевозили в тюремном автомобиле в Московский городской суд и обратно в бесчеловечных и унижающих достоинство условиях, несовместимых со статьей 3 Конвенции.

A. Аргументы сторон

129. Заявитель оспорил описание правительством условий транспортировки как несоответствующее действительности. По его мнению, правительство описало условия, какими они должны быть в соответствии со всеми правилами, а не такие, какие они были в реальности. В реальности тюремный автомобиль заполнялся сверх расчетной вместимости и он никогда не перевозился отдельно. Не давалось никакой еды и не было возможности пользоваться туалетом во время транспортировки. Как вентиляционная, так и отопительная системы не отвечали требованиям, и летом было душно и жарко, а зимой очень холодно.

130. Правительство утверждало, что заявитель всегда перевозился один и ему выдавался сухой паек на все время транспортировки. По его мнению, условия транспортировки заявителя соответствовали статье 3 Конвенции.

B. Оценка Суда

131. Что касается фактической стороны, то Суд отмечает, что заявителя возили на судебные заседания в стандартном тюремном автомобиле более ста пятидесяти раз. Пассажирские отделения этих автомобилей рассчитаны на транспортировку двадцати пяти заключенных на площади менее девяти квадратных метров, что давало каждому заключенному площадь примерно пятьдесят на пятьдесят сантиметров. Высота кузова (1,6 м) была недостаточна для того, чтобы человек нормального роста мог войти или встать не согнувшись, что требовало от заключенных сидеть все время нахождения в машине. Суд не убедили утверждения правительства о том, что заявителя всегда перевозили одного по требованию администрации изолятора, поскольку копия такого требования не была предоставлена. Правительство не комментировало вопрос об общем количестве людей, перевозимых тюремными автомобилями. Однако представляется, что переполненность машин, перевозящих в Москве заключенных, является одной из проблем, о которых говорил

ответственный за следственные изоляторы чиновник по результатам проведенной в 2003 году проверки (см письмо от 26 ноября 2003 года директора УФСИН по г. Москве, цитируемое в деле *Starokadomskiy v. Russia* (dec.), no. 42239/02, 12 January 2006). Суд поэтому доверяет утверждениям заявителя о том, что в тюремные автомобили иногда помещали заключенных сверх проектной вместимости, что еще более уменьшало приходящуюся на них площадь.

132. Кроме того, у Суда мало свидетельств того, что тюремные автомобили, как они обрисованы сторонами, в достаточной мере освещались, вентилировались и обогревались. Правительство признало, что системы обогрева и отопления действовали только при работающем двигателе. Учитывая, что не было окон или других отверстий, пропускающих естественный свет, заключенные при выключенном двигателе оставались в темноте, а иногда в холоде. Естественная вентиляция через аварийные люки в жаркие дни была, как очевидно, недостаточна, учитывая стесненное положение внутри машины, и, более того, была напрямую недоступна для заключенных в отсеках.

133. Суд отмечает, что заявитель находился в таких условиях длительное время при каждой поездке. Как известно, изолятор «Лефортово» находится недалеко от Московского городского суда, и прямой путь едва ли потребовал бы более тридцати минут. Однако правительство не опровергло и не прокомментировало утверждение заявителя о том, что тюремные автомобили по пути заезжали в другие следственные изоляторы – «Матросскую тишину» или «Бутырку», которые расположены намного дальше от городского суда. Заключенные оставались запертыми в машине во время этих заездов и загрузки или выгрузки других заключенных. Равным образом не была опровергнута какими-либо документами, которые должно было бы иметь правительство, детальная информация, представленная заявителем о длительности поездок в конкретные дни. По сути, в ответе из ГУВД Москвы на жалобу заявителя подтверждаются задержки в транспортировке заключенных (см. выше пункт 67). Таким образом, несмотря на то, что невозможно абсолютно точно установить продолжительность каждой поездки, для оценки Суда важно то, что время, проводимое заявителем в машине, было весьма продолжительным и в среднем составляло 5-6 часов в день, а иногда и десять часов.

134. Суд повторяет, что оценка минимального уровня жестокости, которого должна достичь данная форма обращения для того, чтобы подпасть под действие статьи 3, зависит от всех обстоятельств дела, таких как: продолжительность обращения, его физическое и моральное воздействие и в некоторых случаях – пола, возраста и состояния здоровья жертвы (см. *Ireland v. the United Kingdom*, judgment of 18

January 1978, Series A no. 25, p. 65, § 162 и упоминавшееся выше дело *Kudła*, § 91). Суд признавал обращение «бесчеловечным», поскольку оно было, *inter alia*, преднамеренным, длилось часами без перерыва и причинило либо реальные телесные повреждения, либо глубокие физические и моральные страдания. Он считал обращение «унижающим человеческое достоинство» потому, что оно было таковым, что вызывало в жертвах чувства страха, муки и неполноценности, способные унижить и оскорбить их (см. упоминавшееся выше дело *Kudła*, § 92). Так, Суд установил нарушение статьи 3 в деле, где заявителя перевозили с еще одним заключенным в одноместном отделении площадью один квадратный метр. Хотя время поездки не превышало одного часа, Суд счел такую организацию транспортировки бесчеловечной и унижающей достоинство, независимо от ее продолжительности (см. *Khudoyorov v. Russia*, no. 6847/02, §§ 118-120, ECHR 2005-... (extracts)).

135. В настоящем деле заявителя транспортировали более ста пятидесяти раз в стандартном тюремном автомобиле, который иногда был заполнен свыше проектной вместимости. Учитывая, что ему приходилось находиться в замкнутом помещении по несколько часов, такие стесненные условия должны были приносить ему серьезные физические страдания. Его страдания еще более усиливались отсутствием должной вентиляции и освещения и ненадежным отоплением. Учитывая совокупное воздействие, которое эти условия оказывали на заявителя, Суд считает, что условия транспортировки из следственного изолятора в суд и обратно достигали уровня «бесчеловечного» обращения по смыслу статьи 3 Конвенции. При оценке Суда важное значение имеет также то, что заявитель подвергался такому обращению во время суда или при судебном рассмотрении жалоб на продление срока содержания под стражей, то есть тогда, когда он более всего нуждался в сосредоточенности и умственной готовности (ср. упоминавшееся выше дело *Khudoyorov*, § 120).

136. Следовательно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями транспортировки заявителя.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С УСЛОВИЯМИ СОДЕРЖАНИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ В ЗДАНИИ СУДА

137. Заявитель жаловался на то, что условия его содержания в конвойном отделении Московского городского суда составляли нарушение статьи 3 Конвенции.

А. Аргументы сторон

138. Заявитель оспаривал описание правительством условий содержания как несоответствующее действительности. Он подтвердил, что конвойные камеры, называемые в народе «каменные стаканы», были переполненными, грязными, слабо освещенными, чрезмерно теплыми и невентилируемыми. Будучи запертым в ней, он не получал никакой пищи и не мог отправлять естественные потребности. Во многих случаях он проводил до 15 часов в камере, даже без вызова на слушания.

139. Правительство утверждало, что заявитель содержался в одиночку в обычной конвойной камере Московского городского суда. Кроме обычных конвойных камер, никаких других камер или «каменных стаканов» в здании суда не было. По мнению правительства, не было нарушения статьи 3 в связи с условиями содержания заявителя в здании суда.

В. Оценка Суда

140. Суд отмечает, что заявитель содержался в конвойных камерах Московского городского суда более ста пятидесяти дней. Хотя его содержание в этих камерах было ограничено несколькими часами до и после заседаний суда и в перерывах между ними, более десяти раз он не вызывался на заседания и провел весь день в камере.

141. Стороны разошлись во мнении относительно площади камеры и количества заключенных, содержащихся вместе с заявителем. Суд не считает необходимым разрешать это противоречие. Он отмечает, что конвойные камеры предназначались для содержания в течение очень ограниченного времени. Соответственно, они были не только крошечными по площади – в любом случае не более двух квадратных метров, – но также по проекту были лишены удобств, обязательных для длительного содержания. В камере не было окна или доступа к естественному свету или свежему воздуху. Она была оборудована только скамейкой, в ней не было стула, стола или какой-либо другой мебели. Особую озабоченность Суда вызывает отсутствие в камере туалета и то, что заключенные могли облегчаться только по приказу надсмотрщиков. Кроме того, ничто не свидетельствует о каком-либо пункте питания, который бы позволял заключенным регулярно получать достаточно здоровой пищи и питья. Суд считает неприемлемым для человека содержаться в условиях, когда не обеспечиваются его основные потребности (см. *Riad and Idiab v. Belgium*, nos. 29787/03 и 29810/03, § 106, 24 January 2008).

142. Заявитель находился в таких стесненных условиях несколько часов в день, а иногда и восемь-десять часов. Хотя его содержание в

конвойном отделении не было постоянным, Суд не может игнорировать тот факт, что оно перемежалось с содержанием в следственном изоляторе и транспортировкой в условиях, которые выше он уже признал бесчеловечными и унижающими достоинство. При этих обстоятельствах совокупное воздействие содержания заявителя в крайне маленьких камерах конвойного отделения Московского городского суда без вентиляции, пищи, питья и свободного доступа к туалету было столь серьезным, что приводило к физическим страданиям и моральной подавленности.

143. Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя в конвойном отделении Московского городского суда.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 3 КОНВЕНЦИИ

144. Заявитель полагал, что он был лишен права на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда в нарушение статьи 5 § 3 Конвенции, в которой говорится:

“Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд”.

А. Аргументы сторон

145. Заявитель утверждал, что, продлевая срок его предварительного заключения, национальные власти в общих словах ссылались на тяжесть преступления, в котором он обвинялся, и возможность скрыться или помешать установлению истины, не указывая на какие-либо моменты, могущие свидетельствовать, что эти возможности действительно существовали. Не учитывалось, что он имеет прочные социальные связи, постоянное место жительства в Москве, устойчивые семейные отношения и в прошлом не судим, а также что у него были изъяты внутренний и дипломатический паспорта и все денежные накопления. Заявитель считал, что приводимые основания были недостаточны для содержания его под стражей в течение более трех лет. Более того, национальные власти не проявили «особого прилежания» в проведении разбирательства.

146. Правительство утверждало, что продолжительность предварительного заключения заявителя соответствовала требованиям Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

В. Оценка Суда

147. В соответствии с прецедентами Суда, вопрос о том, является ли срок содержания под стражей разумным, не может быть решен *in abstracto*. Обоснованность того, оставаться ли обвиняемому под стражей, должна определяться в каждом деле, исходя из его конкретных особенностей. Непрерывное содержание под стражей в конкретном деле может быть оправдано, только если есть четкие указания на требования общественного интереса, который, несмотря на презумпцию невиновности, перевешивает принцип уважения личной свободы (см. среди прочего: *W. v. Switzerland*, judgment of 26 January 1993, Series A no. 254-A, p. 15, § 30, и упоминавшееся выше дело *Kudla*, § 110).

148. Презумпция остается за освобождением. Как последовательно признавал Суд, вторая часть статьи 5 § 3 не дает судебным властям выбора, предать ли обвиняемого суду в разумный срок или временно освободить его до суда. До признания виновным судом обвиняемый должен считаться невиновным, и цель рассматриваемой статьи в значительной степени заключается в том, чтобы потребовать его временного освобождения, поскольку непрерывное пребывание под стражей перестало быть разумным (см., например, *Castravet v. Moldova*, no. 23393/05, § 30, 13 March 2007; *McKay v. the United Kingdom* [GC], no. 543/03, § 41, ECHR 2006-...; *Jablonski v. Poland*, no. 33492/96, § 83, 21 December 2000; и *Neumeister v. Austria*, judgment of 27 June 1968, Series A no. 8, § 4).

149. Суд отмечает, что заявитель был лишен свободы 3 июля 1998 года, а Московский городской суд признал его виновным 14 августа 2001 года. Ввиду наличия существенной связи между статьей 5 § 3 Конвенции и параграфом 1 (с) этой статьи, лицо, признанное виновным судом первой инстанции, не может считаться заключенным под стражу «с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения», как указано в статье 5 § 1 (с), а находится в ситуации, предусмотренной статьей 5 § 1 (а), которая разрешает лишение свободы «осужденного компетентным судом» (см. упоминавшееся выше дело *Kudla*, § 104, и *Barfuss v. the Czech Republic* (dec.), no. 35848/97, 7 September 1999). Соответственно, содержание заявителя под стражей с 16 декабря 1999 года – дня, когда он был признан виновным первый раз, – по 25 июля 2000 года – дня, когда обвинительный приговор был отменен и его дело направлено на новое рассмотрение, – не может учитываться для целей статьи 5 § 3. Суд, соответственно, считает, что период, подлежащий учету, состоит из двух отдельных отрезков времени: первый – с 3 июля 1998 года по 16 декабря 1999 года и второй – с 25

июля 2000 года по 14 августа 2001 года, и в целом составляет два года и чуть больше шести месяцев.

150. Такая длительность предварительного заключения – свыше двух лет и шести месяцев – вызывает озабоченность Суда. Он отмечает, что ни на одном из этапов разбирательства национальные власти не рассматривали, не превысила ли длительность содержания заявителя под стражей «разумный срок». Тот факт, что максимальный срок, разрешенный национальным законом, не был превышен, не может быть решающим моментом в оценке Суда. Как ранее Суд признавал в делах российских граждан, исчисление национального срока зависит исключительно от тяжести предъявленного обвинения, что определяется стороной обвинения и не является предметом судебного рассмотрения (см. *Shcheglyuk v. Russia*, no. 7649/02, § 43, 14 December 2006, и упоминавшееся выше дело *Khudoyorov*, § 180).

151. Суд отмечает, что уголовно-процессуальное законодательство России, как оно было сформулировано до введения поправок 14 марта 2001 года, позволяло содержать подозреваемого под стражей только на основании опасного характера преступления, в котором он был обвинен (см. выше пункт 114). Действуя в соответствии с этими положениями, национальные суды продлевали срок содержания заявителя под стражей и отказывали в удовлетворении его ходатайств об освобождении, ссылаясь на тяжесть предъявленного ему обвинения как на единственно относимое и достаточное основание (см., в частности, решения от 5 и 11 сентября 2000 года). Иногда они упоминали другие основания, такие как наличие возможности скрыться или воспрепятствовать правосудию (см. решения от 1 февраля и 4 июля 1999 года). Наконец, в других случаях судебное рассмотрение оснований для применения меры пресечения в виде содержания под стражей сводилось к подтверждению формальной законности принятого решения (см. решения от 10, 20 и 31 июля 2001 года).

152. В соответствии с устойчивыми прецедентами Суда, хотя тяжесть наказания, грозящего заявителю, является относимым моментом при оценке возможности скрыться, необходимость продолжения лишения свободы не может рассматриваться с чисто абстрактной точки зрения, с учетом только тяжести правонарушения (см. *Belevitskiy v. Russia*, no. 72967/01, § 101, 1 March 2007; *Ilijkov v. Bulgaria*, no. 33977/96, § 81, 26 July 2001; и *Letellier v. France*, judgment of 26 June 1991, Series A no. 207, § 51). Это в особенности относится к российской правовой системе, где правовая квалификация фактов, а, следовательно, и наказания, грозящего заявителю, дается обвинением без судебного рассмотрения того, дают ли собранные на сегодняшний день доказательства разумные основания для подозрения, что

заявитель совершил предполагаемое преступление (см. *Khudoyorov, loc. cit.*).

153. Что касается оснований для содержания под стражей помимо тяжести предъявленного обвинения, то Суд отмечает, что национальные суды не указывали ни на какие конкретные факты, подтверждающие их данные о том, что существует риск скрыться или воспрепятствовать правосудию. С другой стороны, предметом серьезной озабоченности Суда является то, что суды прошли мимо аргументов заявителя о том, что он имеет постоянное место жительства в Москве, устойчивые семейные взаимоотношения и прочные социальные связи, что он лишен документов, удостоверяющих личность и позволяющих перемещаться, и денежных накоплений, а также других относимых фактов, которые снижали возможность скрыться.

154. Суд повторяет, что непрерывное содержание под стражей может быть обоснованным в конкретном случае, только если есть реальные признаки требований общественного интереса, которые, несмотря на презумпцию невиновности, оправдывают отход от принципа уважения свободы личности. Любая система обязательного содержания под стражей не совместима *per se* со статьей 5 § 3 Конвенции, предусматривающей обязанность национальных властей установить и показать наличие конкретных фактов, перевешивающих принцип уважения свободы личности (см. *Rokhlina v. Russia*, по. 54071/00, § 67, 7 April 2005). Перекладывание бремени доказательства на заключенного в таких вопросах равносильно ниспровержению положения статьи 5 Конвенции, положения, которое делает содержание под стражей исключением из права на свободу и допустимым только в исчерпывающе перечисленных и строго определенных случаях (см. упоминавшееся выше дело *Ilijkov*, §§ 84-85 и далее).

155. Суд приходит к выводу, что, не приводя конкретных относимых фактов и полагаясь главным образом на тяжесть предъявленного обвинения, власти продлевали срок содержания заявителя под стражей на основаниях, которые не могут быть признаны «достаточными». Власти, таким образом, не смогли обосновать непрерывное содержание заявителя под стражей до суда (см. упоминавшееся выше дело *Rokhlina*, § 69).

156. Следовательно, имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 4 КОНВЕНЦИИ

157. На основании статьи 5 § 4 Конвенции заявитель жаловался на то, что его кассационные жалобы на решения Московского городского

суда об отказе в ходатайствах об освобождении рассматривались со значительными задержками или не рассматривались совсем. В статье 5 § 4 говорится:

“Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным...”

А. Аргументы сторон

158. Заявитель утверждал, что его кассационные жалобы на решения городского суда от 15 сентября и 1 декабря 2000 года и от 16 апреля 2001 года не были рассмотрены Верховным Судом, а его кассационная жалоба на решение городского суда, поданная в июле 2001 года, была рассмотрена Верховным Судом только 26 сентября 2001 года, т.е. более чем через шесть недель после постановления обвинительного приговора.

159. Правительство указало, что ходатайства об освобождении были рассмотрены в сроки, установленные национальным законодательством.

В. Оценка Суда

160. Суд повторяет, что статья 5 § 4, гарантируя задержанным или арестованным право в судебном порядке оспорить законность их заключения под стражу, также провозглашает их право – вслед за таким судебным рассмотрением – на безотлагательное судебное решение относительно законности содержания под стражей и его прекращение, если оно окажется незаконным. Хотя она не понуждает Договаривающиеся Стороны устанавливать второй уровень юрисдикции для рассмотрения законности содержания под стражей, государство, где существует такая система, должно предоставить заключенным в принципе такие же гарантии на кассационном уровне, как и в первой инстанции (см. *Navarra v. France*, judgment of 23 November 1993, Series A no. 273-B, § 28; *Toth v. Austria*, judgment of 12 December 1991, Series A no. 224, § 84). Требование о том, чтобы такое решение было принято «незамедлительно» является, несомненно, одной из таких гарантий; если один год, например, можно грубо принять за практику в случаях, связанных со статьей 6 § 1, то статья 5 § 4, касающаяся вопросов свободы, требует особой быстроты (см. *Hutchison Reid v. the United Kingdom*, no. 50272/99, § 79, ECHR 2003-IV). В этом контексте Суд также отмечает, что особая необходимость в быстром решении, определяющем законность содержания под стражей, требуется в делах, когда предстоит суд,

поскольку подсудимый должен в полной мере иметь пользу от принципа презумпции невиновности (см. *Howiecki v. Poland*, no. 27504/95, § 76, 4 October 2001).

1. Не рассмотрение кассационных жалоб

161. Заявитель утверждал, а правительство не опровергло, что 15 сентября 2000 года он подал кассационную жалобу на решение городского суда от 11 сентября 2000 года, которым его ходатайство об освобождении было отклонено, и что эта жалоба не была рассмотрена (см. выше пункт 24). Также не оспаривалось, что его кассационная жалоба на решение городского суда от 1 декабря 2000 года не была рассмотрена Верховным Судом (см. выше пункт 29).

162. В отсутствие каких-либо указаний на противоположное, Суд полагает, что кассационные жалобы были поданы в срок и в соответствии с процессуальными нормами, предусмотренными российским законодательством. Правительство не привело никаких оправдывающих обстоятельств того, почему Верховный Суд не рассмотрел кассационные жалобы.

163. Следовательно, имело место нарушение статьи 5 § 4 в связи с тем, что Верховный Суд не рассмотрел кассационные жалобы на решения от 15 сентября и 1 декабря 2000 года.

2. Задержка в рассмотрении кассационных жалоб

164. 16 и 24 июля и в начале августа 2001 года заявитель подал кассационные жалобы на решения городского суда от 10, 20 и 31 июля 2001 года, в которых было отказано в удовлетворении его ходатайств об освобождении. Жалобы были рассмотрены Верховным Судом 26 сентября 2001 года, т.е. соответственно через семьдесят один, шестьдесят три и приблизительно пятьдесят дней.

165. Ничто не предполагает, что заявитель, подав жалобы, был причиной задержки их рассмотрения. Суд считает, что эти три периода были чрезмерно длительными и не соответствовали требованию «безотлагательности» по статье 5 § 4, учитывая особенно то, что, как можно полагать, все зависело от властей (ср. последний пример в деле *Mamedova v. Russia*, no. 7064/05, § 96, 1 June 2006, где рассмотрение кассационных жалоб в течение от двадцати девяти до тридцати шести дней не было признано «безотлагательным»).

166. Следовательно, имело место нарушение статьи 5 § 4 в связи с задержкой рассмотрения Верховным Судом кассационных жалоб на решения суда от 10, 20 и 31 июля 2001 года.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 § 1 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ТЕМ, ЧТО СУД ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ НЕ БЫЛ НЕЗАВИСИМЫМ И БЕСПРИСТРАСТНЫМ

167. На основании статьи 6 § 1 Конвенции заявитель жаловался на то, что суд первой инстанции не был независимым и беспристрастным из-за произвольных смен его состава, специальных требований к судьям по допуску к секретным сведениям и связи прокурора и народных заседателей с Федеральной службой безопасности. В соответствующей части статьи 6 § 1 говорится:

“Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона”.

А. Аргументы сторон

168. Заявитель указывал, что в ходе второго суда его состав менялся шесть раз, включая четыре замены председательствующего судьи и две замены народных заседателей (при председательстве судей Губановой и Комаровой). Он утверждал, что неизменность состава суда, как установлено в статье 242 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР*, является важным принципом уголовного разбирательства. Возможность замены судьи, который не может «продолжать участвовать в заседании», обычно должна использоваться в исключительных обстоятельствах, таких как смерть судьи, серьезная болезнь, отставка, приостановление или прекращение полномочий квалификационной коллегией судей. В законодательстве России, однако, отсутствуют четкие нормы, регулирующие распределение дел между судьями, что оставляет вопрос выбора и замены судьи на усмотрение председателя суда. Председатель суда не обязан с точки зрения закона приводить основания для замены или замещения. Заявитель подчеркивал, что судьи полностью зависят от председателя с точки зрения карьерного продвижения и дополнительных льгот, и это заставляет их не противиться его пожеланиям. В его деле изменения состава суда всегда проходили без уведомления и указания причин. По мнению заявителя, произвольные замены были мотивированы желанием властей добиться обвинительного приговора от «послушного» состава суда, и поэтому суд не был беспристрастным и независимым.

169. Заявитель далее утверждал, что допуск к сведениям, имеющим гриф «совершенно секретно», подобным тем, что имеются в его деле,

* Так в тексте (примеч. переводчика).

дается Федеральной службой безопасности, которая является стороной обвинения в его деле. Согласно действующим правилам, руководитель организации, в том числе и председатель суда, лично отвечает за определение лиц, которым должен быть дан допуск к секретной информации. В результате этого формируется специальная категория «уполномоченных судей», которые получили допуск к секретным сведениям и назначаются слушать дела, затрагивающие чувствительную информацию. Отсутствие в деле подписи о неразглашении секретных сведений, на что указывало правительство, является свидетельством того, что судьи Губанова, Коваль, Медведев и Комарова имели постоянный допуск к секретным сведениям. Заявитель отмечал, что судьи, имеющие постоянный допуск к секретным сведениям, имеют финансовые льготы, такие как прибавка к зарплате от десяти до двадцати процентов в зависимости от формы допуска. Заявитель утверждал, что состав суда по его делу формировался «не по обычной процедуре», а включал в себя «уполномоченных судей», отобранных лично председателем суда

170. Правительство утверждало, что распределение дел среди судей – это обязанность председателя суда, его заместителя или любого другого лица, назначенного ими. Дело может быть передано другому судье, если председательствующий судья длительно заболел, взял самоотвод или отведен. По словам правительства, неизменность состава суда является фундаментальным требованием российского уголовно-процессуального закона. Правительство разъяснило, что в деле заявителя судья Губанова заболела и была заменена судьей Коваль. Листки нетрудоспособности свидетельствуют о нездоровье судьи Губановой, хотя в дальнейшем она приходила в городской суд, чтобы подписать документы и протоколы судебных заседаний, которые она ранее вела. В своем меморандуме о приемлемости и по существу дела правительство заявило, что не может комментировать последующие замены состава суда, поскольку в протоколе судебного заседания не указываются основания для этих замен. После принятия решения о приемлемости правительство заявило, что судью Коваль сменила судья Комарова, поскольку Коваль была очень занята в других текущих слушаниях уголовных дел.

171. Правительство утверждало, что национальное законодательство не предъявляет каких-либо специальных требований к составу суда, который рассматривает уголовные дела, связанные с секретными сведениями. Согласно статье 21 Закона «О государственной тайне», все судьи имеют допуск к секретной информации без специального его оформления. Тем не менее, от них требуют подписку о неразглашении секретной информации и предупреждают о возможной ответственности в случае ее разглашения. Такие же подписки должны дать народные заседатели,

участвующие в рассмотрении подобных дел. Правительство утверждало, что суд первой инстанции в деле заявителя был сформирован в соответствии с обычной процедурой и поэтому должен считаться беспристрастным и объективным.

В. Оценка Суда

172. Первая часть жалобы заявителя заключалась в том, что изменения состава суда были произвольными и несовместимыми с требованиями «независимости» и «беспристрастности» суда.

173. Что касается вопроса «независимости», то Суд повторяет, что для установления того, может ли считаться суд независимым в целях статьи 6 § 1, необходимо учитывать, *inter alia*, способ назначения его членов и срок их полномочий, наличие гарантий от давления извне и то, выглядит ли он как независимый (см. помимо прочего: *Findlay v. the United Kingdom*, judgment of 25 February 1997, *Reports* 1997-I, p. 281, § 73).

174. Что касается требования «беспристрастности», то необходимо учитывать два аспекта. Во-первых, суд должен быть субъективно беспристрастным, т.е. ни один из его членов не должен иметь какого-либо личного предубеждения или предвзятости. Личная беспристрастность презюмируется, если нет свидетельства об обратном. Во-вторых, суд должен быть также беспристрастным с объективной точки зрения, т.е. он должен представить достаточно гарантий, чтобы исключить любое законное сомнение в этом отношении. При рассмотрении с объективной точки зрения следует определить – совершенно отдельно от личного поведения судей, – есть ли подтверждаемые факты, вызывающие сомнения в их беспристрастности. В этом отношении даже внешний вид может иметь определенное значение. Самое важное – это доверие, которое суд в демократическом обществе должен вызывать у людей, и в первую очередь у сторон процесса (см. *Academy Trading Ltd and Others v. Greece*, no. 30342/96, §§ 43-45, 4 April 2000, and *Pullar v. the United Kingdom*, judgment of 10 June 1996, *Reports* 1996-III, § 29).

175. Поскольку в данном деле не были представлены доказательства, которые могли бы предполагать личную предвзятость со стороны судей суда первой инстанции, Суд сконцентрирует свое рассмотрение на концепции независимости и объективной беспристрастности, которые тесно связаны и должны рассматриваться вместе (см. упоминавшееся выше дело *Findlay* § 73, и *Bochan v. Ukraine*, no. 7577/02, § 68, 3 May 2007).

176. Суд напоминает, что организация судебного разбирательства для должного отправления правосудия – это задача национальных судов. Передача дела определенному судье или суду находится в

пределах усмотрения национальных властей, занимающихся этой сферой. Существует широкий спектр факторов, таких, например, как наличие средств, квалификация судей, конфликт интересов, доступность места заседаний для сторон и т.д., которые власти должны принимать во внимание, назначая слушания. Хотя в задачу Суда не входит оценка того, были ли достаточные правовые основания у национальных властей распределять/передавать дело конкретному судье или суду, Суд должен убедиться, что такие распределение/передача соответствовали статье 6 § 1, в особенности ее требованиям объективной независимости и беспристрастности (см. упоминавшееся выше дело *Bochan*, § 72).

177. Российское законодательство не содержит каких-либо норм, регулирующих распределение дел между судьями суда соответствующей юрисдикции. В статье 6.2 Закона «О статусе судей» говорится, что контроль за распределением дел осуществляется председателем суда в порядке, установленном федеральным законом (см. выше пункт 112). Однако, поскольку на сегодняшний день такой закон не принят, по общей практике дела суда распределяются председателями по их собственному усмотрению.

178. Закон требует, чтобы после распределения дела и начала судебного разбирательства оно оставалось за тем же составом суда до вынесения окончательного решения. Этот принцип, известный как принцип неизменности состава суда, в рассматриваемое время был закреплен в статье 241 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (см. выше пункт 110; в настоящее время статья 242). Принцип неизменности допускает возможность замены судьи, который не может продолжать участвовать в заседании, другим судьей. Это применимо как к профессиональным судьям, так и к народным заседателям, статус которых приравнивался к профессиональным судьям при осуществлении правосудия (см. выше пункт 111).

179. Во время второго судебного разбирательства дела заявителя произошло одиннадцать замен судей в составе суда. Четыре председательствующих судьи один за другим вели дело. Каждая замена председательствующего судьи сопровождалась заменой обоих народных заседателей. Кроме того, в одном случае в рассмотрение дела был введен запасной заседатель, а в другом – был назначен новый заседатель для замены вышедшего из дела. Каждый раз, когда появлялся новый член суда, судебное разбирательство должно было начинаться снова.

180. Правительство не объяснило, как это неумеренное количество замен в составе суда – поразительное по сравнению с другими уголовными делами, представленными Суду, – может согласовываться с принципом неизменности состава суда, фундаментальную важность которого оно само подчеркивало. Чрезвычайную озабоченность Суда

вызывают не только слишком частые замены в деле заявителя, но и то, что причины таких замен были объявлены только дважды. Один раз дело передано от судьи Губановой судье Коваль из-за болезни Губановой, действительность и серьезность которой оспаривается заявителем. Второй раз народный заседатель А.А., заседавшая вместе с судьей Комаровой, вышла из дела по семейным обстоятельствам и была заменена заседателем А.М. Как правительство признало на этапе, предшествующем решению о приемлемости, в протоколе судебного заседания не указывалось на причины других замен. В меморандуме после принятия решения о приемлемости оно утверждало, что судья Коваль была заменена судьей Комаровой по причине того, что судья Коваль непрерывно участвовала в слушаниях других уголовных дел. Однако это утверждение не только противоречит его позиции на этапе, предшествующем решению о приемлемости, но и опровергается тем фактом, что судью Коваль сменил судья Медведев, а не судья Комарова, которая вступила в дело на более позднем этапе.

181. Суд отмечает, что в статье 241 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР только указывается на возможность замены судьи, который «не может продолжать участвовать в заседании», без изложения обстоятельств, при которых такая замена возможна или действительно необходима. Правительство не привело каких-либо примеров судебного толкования этой статьи, несмотря на четко выраженную просьбу на этот счет. Хотя можно полагать, что статья 241 предполагает такие ситуации, как самоотвод судьи, отвод одной из сторон или внешние события, которые могут воспрепятствовать продолжению участия в слушаниях, например, прекращение статуса судьи квалификационной коллегией, нет никаких указаний на то, что какие-то подобные обстоятельства сложились во время суда по делу заявителя. Ни один из замененных судей не заявил о своем желании выйти из дела или был отведен, статус судьи ни у одного из них не был приостановлен или прекращен. Хотя адекватность оснований для замены судьи Губановой судьей Коваль и была предметом разногласий между сторонами, восемь замен судей, слушающих дело заявителя, произошли по причинам, которые остались неизвестны заявителю, и не могут быть установлены Судом. По оценке Суда, замена судьи, слушающего дело, без приведенных причин может быть охарактеризована только как произвольная.

182. Суд далее отмечает, что, как и при распределении дел среди судей, полномочиями передать текущее дело другому председательствующему судье обычно пользуется председатель суда. В настоящем деле известно, что в двух случаях недвусмысленный приказ о передаче был дан председателем или исполняющим обязанности председателя городского суда (от судьи Губановой судье Коваль и позже от судьи Медведева судье Комаровой). Как Суд

установил выше, закон не устанавливает сколько-нибудь точно обстоятельства, при которых такая передача может произойти. Отсутствие предсказуемости в применении статьи 241 выразилась в том, что председатель Московского городского суда получил неограниченное усмотрение в вопросе замены судьи и передачи дела при рассмотрении уголовного дела заявителя. В этой связи Суд подчеркивает, что в статье 241 отсутствуют процессуальные гарантии против произвольного использования этого усмотрения. Так, она не требует информировать стороны о причинах передачи дела или предоставить им возможность комментировать это (ср. упоминавшееся выше дело *Bochan*, § 72). Более того, замена члена суда не оформляется никаким процессуальным решением, которое можно было бы обжаловать в вышестоящем суде. Суд считает, что отсутствие каких-либо процессуальных гарантий в тексте закона делает членов суда уязвимыми для давления извне.

183. Наконец, Суд повторяет, что, безусловно, существует возможность, что вышестоящий или верховный суд при определенных обстоятельствах исправят ошибки, имевшие место при рассмотрении дела судом первой инстанции (см. *De Cubber v. Belgium*, judgment of 26 October 1984, Series A no. 86, § 33). В настоящем деле можно полагать, что Верховный Суд как кассационная инстанция должен был бы иметь полномочия отменить обвинительный приговор на основании существенного нарушения уголовно-процессуального закона, такого как принцип неизменности состава суда (статья 342 (4) Уголовно-процессуального кодекса РСФСР)*. Хотя заявитель указывал на это нарушение в кассационной жалобе, Верховный Суд оставил без изменения обвинительный приговор и меру наказания. В результате он не исправил это нарушение (см. *Kyprianou v. Cyprus* [GC], no. 73797/01, § 134, ECHR 2005-...; *De Haan v. the Netherlands*, judgment of 26 August 1997, *Reports* 1997-IV, §§ 52-55; и упоминавшееся выше дело *Findlay*, §§ 78-79).

184. Учитывая вышеизложенные соображения, Суд считает, что в деле заявителя российское уголовное законодательство не обеспечило гарантии, которые были бы достаточны для того, чтобы исключить какое бы то ни было объективное сомнение относительно отсутствия неуместного давления на судей при отправлении ими судебных обязанностей (ср. *Daktaras v. Lithuania*, no. 42095/98, § 36, ECHR 2000-X, и в противоположность *Sacilor-Lormines v. France*, no. 65411/01, § 67, ECHR 2006-...). В этих обстоятельствах можно сказать, что сомнения заявителя в независимости и беспристрастности суда первой инстанции объективно оправданны в связи с многократной и частой заменой членов суда по его уголовному делу,

* Так в тексте (примеч. переводчика).

которые проводились по не могущим быть установленным причинам и не были очерчены какими-либо процессуальными гарантиями.

185. Следовательно, имело место нарушение статьи 6 § 1 в связи с отсутствием независимости и беспристрастности у суда первой инстанции. Этот вывод исключает необходимость рассматривать вторую составляющую жалобы заявителя, касающуюся предполагаемого отбора председательствующих судей из специальной категории «уполномоченных судей».

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 § 1 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ЧРЕЗМЕРНО ДЛИТЕЛЬНЫМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВОМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

186. Заявитель жаловался на нарушение гарантии статьи 6 § 1 о разбирательстве дела «в разумный срок» в связи с чрезмерно длительным разбирательством его уголовного дела.

A. Аргументы сторон

187. Заявитель отмечал, что дело не было сложным, учитывая, что последний состав суда постановил приговор после всего девяти заседаний, проведенных в двухнедельный срок. Задержки в разбирательстве вызывались главным образом национальными властями. Предварительное следствие длилось более года, а первое заседание суда было отложено почти на два месяца, поскольку судья была в отпуске. Верховному Суду потребовалось почти семь месяцев для рассмотрения первой кассационной жалобы; при втором кассационном разбирательстве дело из городского суда в Верховный Суд было направлено почти через четыре месяца после приговора, а его последующее рассмотрение длилось пять месяцев. Кроме того, произвольные замены состава суда в значительной степени определяли задержки, поскольку каждая замена председательствующего судьи или народного заседателя требовали рассмотрения дела *de novo*. Ссылаясь на вывод Суда в деле *Ilijkov v. Bulgaria* (no. 33977/96, § 116, 26 July 2001), заявитель отмечал, что задержки, вызванной заменой народного заседателя 31 июля 2001 года, можно было бы избежать, если бы суд 20 июля назначил запасного заседателя, как предлагала его защита.

188. Правительство утверждало, что по вине судебных властей не было периодов бездействия. Городской суд предпринимал меры для полного и всестороннего рассмотрения дела, и все отсрочки были «объективно оправданны». Заявитель часто подавал одинаковые ходатайства, такие как об отводе судьи и всего состава суда, отводе прокурора, участии общественных защитников, привлечении дополнительных доказательств и т.д. Рассмотрение его ходатайств

требовало много времени. Определенное время было также необходимо для рассмотрения замечаний заявителя на протокол судебного заседания и на обмен кассационными жалобами между сторонами. Правительство утверждало, что в деле заявителя не было преднамеренных затяжек со стороны суда первой инстанции.

В. Оценка Суда

189. Суд повторяет, что разумность длительности разбирательства должна оцениваться в свете конкретных обстоятельств дела с учетом критериев, установленных прецедентами Суда, в частности, сложности дела, поведения заявителя и поведения соответствующих властей (см. среди прочего *Nakhmanovich v. Russia*, no. 55669/00, § 95, 2 March 2006).

190. Суд принимает дату ареста заявителя 3 июля 1998 года за начало уголовного разбирательства. Окончательный приговор по делу был постановлен 9 января 2002 года, т.е. спустя три года и шесть месяцев.

191. Суд отмечает, что дело слушалось дважды на двух уровнях юрисдикции. Несмотря на деликатный характер дела, не представляется, что вопросы, стоявшие перед судом первой инстанции, были сложными, поскольку городскому суду в первый раз потребовалось четыре месяца, а во второй – меньше месяца для вынесения приговора. В обоих случаях вопросы кассационного характера были разрешены в одном заседании. Оставшиеся приблизительно два с половиной года (один год предварительного следствия вычтен из общего срока) были вызваны различного рода задержками по вине российских властей. В этой связи Суд особо отмечает задержки, вызванные необоснованными заменами состава суда, которые требовали начинать слушания сначала, и чрезмерно длительным временем передачи дела из городского суда в Верховный Суд.

192. С другой стороны, Суд не усматривает каких-либо существенных задержек, вызванных поведением заявителя. Что касается его отводов участникам процесса и ходатайств, то Суд повторяет, что нельзя возлагать вину на заявителя за то, что он полностью пользуется предоставленными национальным законом средствами для защиты своих интересов (см. *Skorobogatova v. Russia*, no. 33914/02, § 47, 1 December 2005). Кроме того, тот факт, что заявитель находился в заключении, требовал от судов, рассматривавших дело, особого прилежания для быстрого осуществления правосудия (см. *Panchenko v. Russia*, no. 45100/98, § 133, 8 February 2005, and *Kalashnikov v. Russia*, no. 47095/99, § 132, ECHR 2002-VI). Учитывая вышеизложенные обстоятельства, Суд

считает, что длительность разбирательства превысила «разумный срок».

193. Следовательно, имело место нарушение статьи 6 § 1 в связи с чрезмерной длительностью разбирательства уголовного дела заявителя.

VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 § 3 КОНВЕНЦИИ

194. На основании статьи 6 § 3 (b) и (c) заявитель жаловался на отсутствие достаточных возможностей для подготовки своей защиты в связи с ограниченным доступом к обвинительному заключению, материалам дела и своим собственным записям, строго регламентированным общением с защитниками и ужасными условиями транспортировки и содержания в суде. В соответствующих частях статьи 3 предусматривается:

“3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...

(b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

(c) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника...”

A. Аргументы сторон

195. Заявитель полагал, что его право на защиту было серьезно нарушено. Он утверждал, что в первые дни после ареста он не имел должной правовой помощи, поскольку назначенный ему адвокат был однокурсником следователя и склонил его к самоговору. Его последующий адвокат должен был обращаться за разрешением на встречу с ним к Федеральной службе безопасности, т.е. организации, осуществлявшей уголовное преследование. Администрация следственного изолятора, который также принадлежал Федеральной службе безопасности, отказалась признать законность «многократного» разрешения на встречи, полученного г-жой Москаленко. Судьи суда первой инстанции также выдавали только одноразовые разрешения. Г-жа Костромина получила разрешение на неограниченное количество посещений только после вступления приговора в законную силу. Любой обмен документами между ним и его адвокатами был возможен только в следственном изоляторе по письменному разрешению администрации, которая изучала предназначенные для передачи документы.

196. Заявитель указывал на меры, которые ограничивали его возможность обращаться к документам дела. Он и его адвокаты могли читать обвинительное заключение и другие материалы дела только в специальном отделе следственного изолятора или специальной канцелярии городского суда. От них требовалось также держать в этих помещениях любые записи, сделанные в ходе суда, и копии ходатайств.

197. Наконец, заявитель утверждал, что условия его транспортировки в суд и содержания в конвойном помещении отрицательно воздействовали на его физические и умственные способности. Постоянное напряжение, накапливающаяся усталость, недостаток питания и сна в значительной степени уменьшали его возможность эффективно защищать себя. После заседания он мог знакомиться с материалами дела в перекошенной позе, поскольку его рука была пристегнута наручниками к столу или стулу. Он не мог писать правой рукой, когда она была пристегнута.

198. Правительство утверждало, что защита заявителя была поручена четырем адвокатам, выбранным им самим. Они имели возможность посещать заявителя в следственном изоляторе без ограничений по частоте и продолжительности встреч. Московский городской суд не препятствовал заявителю в общении с его адвокатами; он никак не ограничивал количество встреч и выдавал разрешения на посещения каждый раз, когда они запрашивались, за исключением одного случая (см. выше пункт 90). Хотя жалобы и ходатайства заявителя прокурорам, в суды и другие государственные органы не подвергались цензуре, его переписка с адвокатами контролировалась администрацией следственного изолятора на основании статьи 20 Закона О содержании под стражей.

199. Правительство указало, что заявитель имел доступ к обвинительному заключению во время судебных заседаний и в следственном изоляторе. Ему было отказано в просьбе передать копию обвинительного заключения, чтобы забрать его в камеру, поскольку оно содержало секретные сведения.

200. Правительство утверждало, что на заявителя надевались наручники только тогда, когда его вели из конвойного помещения Московского городского суда на слушания. В зале заседания наручники снимались.

В. Оценка Суда

201. Поскольку требования параграфа 3 статьи 6 должны рассматриваться как особый аспект права на справедливое судебное разбирательство, гарантированного параграфом 1, Суд рассмотрит жалобы на основании обоих параграфов в совокупности (см. наряду с

прочим *Poitrimol v. France*, judgment of 23 November 1993, Series A no. 277-A, § 29). Суд считает, что для установления того, соблюдались ли права защиты в разбирательстве уголовного дела заявителя, необходимо, во-первых, рассмотреть вопросы доступности для него правовой помощи, во-вторых, обеспечения ему и его адвокатам доступа к материалам дела, и, наконец, воздействия условий транспортировки и содержания заявителя в здании суда на его способность подготовить свою защиту.

1. Ограничения на правовую помощь

202. Суд отмечает, что контакты заявителя с его адвокатами были возможны только на основе разрешений, выдаваемых органом, за которым числилось дело.

203. Суд повторяет, что принцип равенства сторон как один из аспектов более широкого понятия справедливого судебного разбирательства, закрепленного в статье 6 § 1, требует, чтобы каждой стороне была предоставлена разумная возможность изложить свои аргументы в условиях, которые не ставят ее в невыгодное положение по сравнению с другой стороной. В этом контексте важность придается внешним проявлениям, а также повышенной чувствительности к справедливому осуществлению правосудия (см. *Bulut v. Austria*, judgment of 22 February 1996, *Reports* 1996-II, § 47, и *Borgers v. Belgium*, judgment of 30 October 1991, Series A no. 214-B, § 24).

204. Относительно фактов Суд отмечает, что адвокаты заявителя должны были испрашивать специальные разрешения для того, чтобы посетить его для беседы. Разрешения были действительны только на одно посещение, и попытки адвокатов увеличить срок их действия оказались безуспешными. Разрешения выдавались органом, за которым числилось дело. После решения Конституционного Суда о неконституционности положений Закона О содержании под стражей, которые давали органу, за которым числится дело, усмотрение в вопросах встреч с адвокатом (см. выше пункт 92), адвокат заявителя получил разрешение на неограниченное количество встреч, однако к этому времени решением последней инстанции приговор вступил в силу. Отсюда следует, что в течение всего времени разбирательства уголовного дела заявителя его посещения адвокатами были обусловлены разрешениями властей.

205. Уголовное преследование заявителя было инициировано Федеральной службой безопасности, и она же выступала стороной обвинения. Следственный изолятор «Лефортово», где содержался заявитель, был также подведомственен Федеральной службе безопасности. В этих условиях обвиняющий орган имел неограниченный доступ к заявителю для своих собственных целей, но

осуществлял полный и эффективный контроль за его контактами с адвокатами, которые должны были обращаться за разрешением к следователю, являвшемуся офицером Федеральной службы безопасности, каждый раз, когда они хотели посетить его в следственном изоляторе. Суд отмечает заявление правительства о том, что ни на каком этапе разбирательства в разрешении на посещение адвокатом не было беспричинно отказано. Тем не менее, у него нет сомнения, что необходимость обращаться за отдельным разрешением на каждое посещение создавало значительные практические трудности в осуществлении права на защиту, поскольку отнимало время и силы от реализации основной цели защиты. Но еще большую озабоченность Суда вызывает то, что эта система ставила защиту в зависимость от усмотрения обвинения и в подчинение ему, и таким образом разрушала внешние проявления равенства сторон. Несколько раз Федеральная служба безопасности злоупотребляла своим господствующим положением в этом вопросе, отказавшись принять ходатайство г-жи Москаленко о разрешении на неограниченное количество визитов или пригрозив ей возбуждением уголовного дела при отсутствии каких-либо доказательств того, что разрешение подделано (см. выше пункты 88 и 89).

206. Суд далее отмечает, что правительство никак не прокомментировало правовые основания, которые бы позволяли национальным властям требовать специальные разрешения на посещения в первую очередь адвокатом. Ничто в тексте статьи 18 Закона О содержании под стражей не предполагает, что ордера юридической консультации и удостоверения личности было недостаточно для разрешения на посещение заявителя профессиональными адвокатами, каковыми и были юридические представители заявителя. Хотя в статье 18 четко требуется разрешение компетентного органа на свидания с родственниками, в ней не упоминается о том, что посещения адвокатов могут зависеть от таких разрешений. Отсюда следует, что требование к адвокатам заявителя получать разрешение на встречу с ним было не только обременительным для защиты, но и лишённым правовых оснований, следовательно, произвольным.

207. В свете вышеизложенного Суд считает, что контроль, осуществлявшийся стороной обвинения над доступом адвокатов к заявителю, подрывал внешнее проявление справедливого судебного разбирательства и принцип равенства сторон.

2. Изучение документов, которыми обменивались с заявителем

208. Помимо необходимости добиваться разрешения на посещения, адвокаты заявителя и сам заявитель должны были получать специальное разрешение от администрации следственного изолятора

на передачу любых документов, которые хотели передать друг другу. До передачи с документами знакоилась администрация.

209. Суд повторяет, что право обвиняемого на общение со своим представителем в условиях, благоприятствующих широкому и беспрепятственному обсуждению, является частью базовых требований справедливого судебного разбирательства в демократическом обществе и вытекает из статьи 6 § 3 (с) Конвенции. Если адвокат не может совещаться со своим клиентом и получать от него конфиденциальные инструкции, его помощь теряет значительную часть пользы, в то время как Конвенция предназначена для того, чтобы «гарантировать не теоретические и иллюзорные, а действительные и эффективные права» (см. *Artico v. Italy*, judgment of 13 May 1980, Series A no. 37, § 33). Важность для прав защиты обеспечения конфиденциальности отношений между обвиняемым и его адвокатами была подтверждена в различных международно-правовых актах и прецедентах Суда (см. *Öcalan v. Turkey* [GC], no. 46221/99, § 133, ECHR 2005-IV; *Brennan v. the United Kingdom*, no. 39846/98, §§ 38-40, ECHR 2001-X, id *Campbell v. the United Kingdom*, judgment of 25 March 1992, Series A no. 233, § 47).

210. Суд отмечает, что статья 20 Закона О содержании под стражей, служившая, по-видимому, правовой основой для изучения документов, которыми обменивались заявитель и его адвокаты, предусматривает цензуру всей переписки в целом находящихся под стражей, не делая исключения для привилегированной переписки, такой как с адвокатом. Суд повторяет в этой связи, что переписка с адвокатами, независимо от ее цели, всегда является привилегированной и что чтение писем заключенного, направляемых адвокату или получаемых от него, позволительно в исключительных случаях, когда у властей есть разумные основания полагать, что этой привилегией злоупотребляют в том смысле, что содержание письма угрожает безопасности пенитенциарного учреждения, безопасности других или носит какой-либо другой криминальный характер (см. упоминавшееся выше дело *Campbell*, § 48).

211. Как отмечалось выше, следственный изолятор «Лефортово» находился в ведении того же органа, который вел дело заявителя. Таким образом, практика ознакомления со всеми документами, которыми обменивались заявитель и его защита, имела следствием то, что обвинение знало заранее стратегию защиты, и ставила заявителя в невыгодное положение по сравнению с его оппонентом. Это вопиющее нарушение конфиденциальности отношений между клиентом и адвокатом не могло не нанести ущерб праву заявителя на защиту и лишить в большой степени получаемую правовую помощь её пользы. Никем не утверждалось, что огульное применение такой меры на протяжении всего разбирательства уголовного дела обосновывалось

исключительными обстоятельствами или предшествующими злоупотреблениями привилегией. Суд считает, что изучение документов, которыми обменивались заявитель и его адвокаты, является непомерным и произвольным посягательством на права защиты.

212. Следовательно, Суд считает, что практика ознакомления обвинения с материалами защиты нарушала принцип равенства сторон и в значительной степени разъедала права защиты.

3. Ограничения на обращение к материалам дела и записям

213. Сторонами не оспаривалось, что обвинительное заключение, другие документы дела и записи, сделанные заявителем и его защитниками, были доступны только в спецотделе следственного изолятора и специальной канцелярии городского суда.

214. Суд повторяет, что статья 6, взятая как единое целое, гарантирует право обвиняемого на эффективное участие в уголовном процессе. Понятие «эффективное участие» в уголовном процессе включает право делать записи с тем, чтобы содействовать осуществлению защиты, независимо от того, представляет или нет обвиняемого адвокат. Действительно, интересам защиты обвиняемого наилучшим образом может служить помощь обвиняемого, которую он оказывает в ведении дела своим адвокатом до того, как даст показания (см. *Matyjek v. Poland*, no. 38184/03, § 59, ECHR 2007-..., и *Pullicino v. Malta* (dec.), no. 45441/99, 15 June 2000).

215. Правительство подтвердило, что в ходатайстве заявителя о предоставлении копии обвинительного заключения было отказано на основании того, что оно содержит секретные сведения. На протяжении всего времени судебного разбирательства оно хранилось или в спецотделе следственного изолятора, или в специальной канцелярии городского суда, откуда его было невозможно извлечь. Правительство не оспаривало утверждения заявителя о том, что все другие материалы дела и записи, сделанные как заявителем, так и его представителями во время судебных слушаний, должны были сдаваться в специальную канцелярию после заседаний.

216. Суд допускает, что соображения национальной безопасности могут при определенных обстоятельствах вызвать процессуальные ограничения в делах, затрагивающих государственную тайну. Тем не менее, даже если стоит вопрос о национальной безопасности, понятия законности и главенства закона в демократическом обществе требуют, чтобы меры, затрагивающие фундаментальные права, такие как право на справедливое судебное разбирательство, имели законную основу и соответствовали достижению их защитных функций. В настоящем деле правительство не привело какого-либо закона, постановления или положения национального законодательства, регулирующего

деятельность спецотделов следственных изоляторов или специальных канцелярий судов. Не выдвинуло оно и каких-либо обоснований широкого характера ограничений на доступ заявителя к материалам дела. Оно не разъяснило, почему национальные власти не могли составить обвинительное заключение таким образом, чтобы секретные сведения содержались в отдельном приложении, которое бы и было единственной его частью с ограниченным доступом. Равным образом не похоже, чтобы российские власти задумывались над тем, чтобы отделить материалы дела, составляющие государственную тайну, от всех других, таких, например, как процессуальные решения суда, доступ к которым в принципе должен быть неограниченным. Наконец, Суд считает, что тот факт, что заявитель и его защитники не могли взять свои записи, чтобы показать из эксперту или использовать их как-то иначе, практически не давал им возможности использовать содержащуюся в них информацию, поскольку в таком случае они должны были полагаться только на свою память (см. упоминавшееся выше дело *Matyjek* § 59, и *Luboch v. Poland*, по. 37469/05, § 64, 15 January 2008).

217. Суд уже устанавливал, что неограниченный доступ к материалам дела и неограниченное использование всех записей, включая при необходимости возможность получения копий соответствующих документов, являются важными гарантиями справедливого судебного разбирательства в рамках процесса о люстрации. Неспособность обеспечить такой доступ побудило Суд в его оценке сделать вывод о нарушении принципа равенства сторон (см. упоминавшиеся выше дела *Matyjek*, §§ 59 и 63 и *Luboch*, §§ 64 и 68). Этот вывод *a fortiori* применим в условиях настоящего дела, в котором заявитель предстал перед судом и мог потерять не просто свое доброе имя и возможность занимать государственную должность (как в деле о люстрации), а свою свободу. Кроме того, как Суд установил выше, ограничения заявителя на доступ к материалам дела и записям не имели обоснования в национальном законодательстве и были чрезмерно широкими по объему.

218. Суд, следовательно, постановляет, что тот факт, что заявителю и его защитникам не был предоставлен соответствующий доступ к документам и они были также ограничены в пользовании своими записями, усугубил трудности в подготовке его защиты.

4. Воздействие условий транспортировки и содержания в суде на подготовку защиты

219. Наконец, заявитель настаивал, что не мог должным образом готовиться к судебным заседаниям из-за ужасных условий транспортировки в суд и содержания в нем.

220. Суд далее повторяет, что статья 6 § 3 (b) гарантирует обвиняемому «достаточное время и условия для подготовки своей защиты», и потому предполагает, что реальная деятельность по защите с его стороны может включать все «необходимое» для подготовки к основному судебному разбирательству. Обвиняемый должен иметь возможность организовать свою защиту должным образом и без ограничений возможности изложить все относимые аргументы защиты суду, и таким образом повлиять на исход разбирательства (см. *Mayzit v. Russia*, no. 63378/00, § 78, 20 January 2005; *Connolly v. the United Kingdom* (dec.), no. 27245/95, 26 June 1996, и *Can v. Austria*, no. 9300/81, Commission's report of 12 July 1984, Series A no. 96, § 53).

221. Что касается «возможностей», то Суд не исключает, что в случаях, когда человек находится под стражей до суда, это слово может включать в себя такие условия содержания, которые позволяют ему читать и писать с достаточной сосредоточенностью (см. упоминавшееся выше дело *Mayzit*, § 81). В деле, где заявители должны были предстать перед жизненно важным судом в состоянии пониженной физической и моральной сопротивляемости из-за изнурительной транспортировки накануне в тюремном автобусе, Суд отметил это обстоятельство как один из факторов, подрывающих требования справедливого судебного разбирательства. Он далее заявил, что «несмотря на помощь своих адвокатов, которые имели возможность излагать аргументы, это обстоятельство, вызывающее сожаление само по себе, несомненно, ослабило позицию [заявителей] в жизненно важный момент, когда им нужны были все их способности для своей защиты и, в частности, для того, чтобы быть готовыми для допроса в самом начале слушаний и эффективно консультироваться со своими адвокатами» (см. *Barberà, Messegue and Jabardo v. Spain*, judgment of 6 December 1988, Series A no. 146, §§ 71 and 89). В этом же русле Суд установил нарушение статьи 6 §§ 1 и 3 в деле, где заседание по уголовному делу продолжалось более семнадцати часов, что привело к тому, что не только подсудимый и его защита, но и судьи находились в состоянии крайнего изнеможения (см. *Makhfi v. France*, no. 59335/00, §§ 40-41, 19 October 2004).

222. В данном деле Суд принимает во внимание свои вышеизложенные выводы на основании статьи 3 Конвенции о том, что заявитель содержался в изоляторе, транспортировался и находился в суде в чрезвычайно стесненных условиях, без должного доступа к естественному освещению и воздуху и соответствующего обеспечения питанием. Заявитель не мог читать или писать, поскольку находился в суде в таком крохотном пространстве со столь многими другими заключенными. Страдания и безысходность, которые должен был чувствовать заявитель в связи с бесчеловечными условиями транспортировки и содержания, несомненно, ухудшали его

способность к сосредоточению и интенсивной умственной деятельности в часы, непосредственно предшествующие судебным заседаниям. Известно, что ему оказывала помощь группа адвокатов, которые могли делать заявления от его имени. Тем не менее, принимая во внимание характер поднимаемых во время судебного разбирательства вопросов и их близкую связь со сферой компетенции заявителя, Суд считает, что его возможность эффективно инструктировать адвокатов и консультироваться с ними имела первостепенную важность. Совокупное воздействие вышеуказанных условий и недостаточность возможностей исключали какую-либо вероятность заблаговременной подготовки защиты заявителем, особенно учитывая то, что он не мог обращаться к материалам своего дела и своим записям в камере.

223. Суд, следовательно, постановляет, что заявителю не были предоставлены достаточные условия для подготовки своей защиты, что подрывает требования справедливого суда и равенства сторон.

5. Вывод Суда

224. Итак, Суд постановляет, что судебное разбирательства дела заявителя было несправедливым по следующим причинам: обвиняющий орган имел неограниченное усмотрение в вопросе посещения адвокатами и обмена документами, доступ заявителя и его защитников к материалам дела и их собственным записям был строго ограничен и, наконец, заявитель не имел достаточных условий для подготовки своей защиты. Общее воздействие этих трудностей, взятое вместе, до такой степени ограничило права защиты, что принцип справедливого судебного разбирательства, как он изложен в статье 6, был нарушен.

225. Следовательно, имело место нарушение статьи 6 § 1 Конвенции в совокупности со статьей 6 § 3 (b) и (c).

IX. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 7 КОНВЕНЦИИ

226. На основании статьи 7 Конвенции заявитель жаловался на то, что его осуждение базировалось на основании непредсказуемого и ретроактивно примененного закона, поскольку во время совершения вменяемого ему деяния не было установленного законом перечня сведений, составляющих государственную тайну. В статье 7 говорится:

“1. Никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением...

2. Настоящая статья не препятствует осуждению и наказанию любого лица за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое в момент его

совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами”.

А. Аргументы сторон

227. Заявитель утверждал, во-первых, что статья 275 Уголовного кодекса Российской Федерации была применена ретроспективно в том смысле, что этот кодекс вступил в силу только с 1 января 1997 года. Более того, наказание по статье 275 более суровое, чем по статье 64 Уголовного кодекса РСФСР, поскольку сроки наказания выше.

228. Во-вторых, заявитель указывал, что он был осужден за передачу сведений, содержащих государственную тайну, в период до осени 1997 года. Однако, как он подчеркивал, согласно части 4 статьи 29 Конституции сведения, составляющие государственную тайну, должны были определяться федеральным законом. До внесения поправок 6 октября 1977 года Закон «О государственной тайне» содержал только перечень сведений, которые *могли* быть отнесены к гостайне, а не действительный перечень сведений, содержащих гостайну. Ни Постановление правительства от 18 сентября 1992 года, ни Указ президента от 30 ноября 1995 года не являлись «законом» в национальной правовой системе. Наличие правовой лакуны в законодательстве по государственной тайне признавалось членами парламента в ходе обсуждения поправок к Закону «О государственной тайне», а также в определениях Верховного Суда от 17 апреля 2000 года по делу офицера ВМФ г-на Никитина и от 25 июля 2000 года по делу самого заявителя. Заявитель утверждал, что в отсутствие четкого законодательства по сведениям, составляющим гостайну, он не мог разумно предполагать, что передача каких-то сведений приведет его к уголовной ответственности. Он также заявлял, что его осуждение представляет непредсказуемое изменение позиции Верховного Суда, выраженной в упоминавшихся выше определениях от 17 апреля и 25 июля 2000 года.

229. Наконец, заявитель утверждал, что характер его дипломатической работы предполагал обмен информацией с иностранными коллегами. Он является автором многих публикаций и докладов по корейским вопросам. В связи с этим он не мог предполагать, что понесет уголовную ответственность за передачу информации, не составляющей гостайну, такой, например, как копии соглашений между Россией и КНДР или официальных справочников, изданных Министерством иностранных дел.

230. Правительство утверждало, что обвинение заявителю были правильно предъявлено по статье 275 Уголовного кодекса Российской Федерации. Хотя некоторые деяния совершены заявителем до его вступления в силу, этот кодекс был применим, поскольку

предусматривал более мягкое наказание за государственную измену: лишение свободы, а не смертную казнь.

231. Правительство указало, что заявитель давал подписку о неразглашении государственной тайны и внутренней информации при поступлении на работу в Министерство иностранных дел СССР 12 сентября 1990 года. Эксперты установили, что документы, которые он передал г-ну Ч., содержали сведения, составляющие государственную тайну, а также имели гриф «секретно» и «совершенно секретно». В Постановлении от 20 декабря 1995 года Конституционный суд подтвердил, что установление уголовной ответственности за передачу государственной или военной тайны иностранному государству соответствует Конституции. Терминологическое различие между первоначальной формулировкой статьи 5 Закона «О государственной тайне» и ее изложением с поправками от 6 октября 1997 года не может служить основанием для вывода о том, что до введения поправок гражданин не мог быть привлечен к уголовной ответственности за посягательства на конституционные основы и безопасность России. Что касается определений Верховного суда от 17 апреля и 25 июля 2000 года, то правительство заявило, что они не могут быть нормой, определяющей последующие судебные решения, так как правовая система России не основана на прецедентах.

232. Правительство далее подчеркнуло, что преступление в форме «шпионажа», как оно определено в статьях 275 и 276 Уголовного кодекса Российской Федерации, включает в себя сбор как секретной, так и несекретной информации с целью ее передачи иностранному агенту. Следствие собрало доказательства, свидетельствующие о том, что заявителю было известно о секретном характере информации, которую он собирал, и что он намеренно передал информацию г-ну Ч., которого знал как агента иностранной разведки. Осуждение заявителя за шпионаж основывалось на установленном факте о том, что он собирал, хранил и передал информацию, не обязательно составляющую гостайну, по просьбе иностранной разведывательной службы с целью нанесения ущерба безопасности Российской Федерации.

В. Оценка Суда

1. Общие принципы

233. Суд повторяет, что гарантии статьи 7 Конвенции являются существенным элементом главенства закона. Они не ограничиваются запрещением ретроактивного применения уголовного закона во вред обвиняемому. Они также в широком смысле воплощают принцип, что только по закону можно определить преступление и назначить

наказание (*nullum crimen, nulla poena sine lege*), и принцип, что закон не должен широко истолковываться в ущерб обвиняемому, например, по аналогии. Из этих принципов следует, что преступление должно быть четко определено в законе. Это требование выполняется, когда человек может узнать из формулировки соответствующей статьи, а при необходимости с помощью интерпретации ее судом, какие действия или бездействие приведут его к уголовной ответственности. Упоминая термин «закон», статья 7 имеет в виду то же самое понятие, какое Конвенция имеет в виду во всех других случаях, употребляя этот термин, понятие, которое включает в себе писанный и неписанный закон, а также качественные требования, в особенности доступность и предсказуемость (см. среди прочих: *S.W. v. the United Kingdom and C.R. v. the United Kingdom*, judgments of 22 November 1995, Series A no. 335-C, §§ 34-35 and §§ 32-33; and *Streletz, Kessler u Krenz v. Germany* [GC], no. 34044/96, 35532/97, 44801/98, § 50, ECHR 2001-II).

234. В любой системе законодательства, включая уголовное законодательство, как бы четко ни было сформулировано правовое положение, имеется неизбежный элемент судебного толкования. Всегда будет необходимость в разъяснении вызывающих сомнение моментов и в адаптации к меняющимся обстоятельствам. Действительно, в государствах-членах Конвенции поступательное развитие уголовного законодательства посредством судебного законотворчества является хорошо укоренившейся и необходимой частью правовой традиции. Статья 7 Конвенции не может пониматься как ставящая вне закона постепенное видоизменение норм уголовной ответственности посредством судебной интерпретации от дела к делу при обеспечении того, что итоговая эволюция соответствует существу преступления и может быть разумно предвидена (см. среди прочих: упоминавшееся выше дело *S.W.* § 36; *Streletz*, упоминавшееся выше дело *Kessler and Krenz*, § 50; и *K.-H. W. v. Germany* [GC], no. 37201/97, § 45, ECHR 2001-II).

2. Применение этих принципов в данном деле

235. В свете вышеуказанных принципов, касающихся сферы его рассмотрения, Суд отмечает, что в его задачу входит не вынесение решения о личной уголовной ответственности заявителя, что в основном является предметом оценки национальными судами, а рассмотрение с позиций статьи 7 § 1 Конвенции, составляли ли действия заявителя в период их совершения преступление, определенное с достаточной доступностью и предсказуемостью российским или международным законом.

236. Во-первых, заявитель утверждал, что, поскольку действия совершены до вступления в силу Уголовного кодекса Российской

Федерации, ретроактивное применение этого кодекса составляло нарушение статьи 7.

237. Суд отмечает, что Уголовный кодекс Российской Федерации недвусмысленно предусматривает его ретроспективное применение к действиям, совершенным до его вступления в силу, если за соответствующее преступление предусмотрено более мягкое наказание, чем по старому уголовному законодательству (статья 10). До 1 января 1997 ответственность за государственную измену предусматривалась статьей 64 Уголовного кодекса РСФСР, а после этого – статьей 275 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая определяла преступления в значительной степени так же. Санкции, однако, были различны: если статья 64 устанавливала, что государственная измена наказывается лишением свободы или смертным приговором, то статья 275 предусматривала лишение свободы как основную санкцию за то же преступление. В соответствии с обоими кодексами в качестве дополнительного наказания могла быть применена конфискация имущества.

238. Поскольку государственная измена по Уголовному кодексу Российской Федерации рассматривается мягче, чем то же преступление по Уголовному кодексу РСФСР (*lex mitius*), в соответствии с вышеуказанными положениями именно первый был применен для действий, совершенных до или после его вступления в силу. Отсюда следует, что жалоба заявителя на ретроактивное применение уголовного закона в ущерб ему лишена основания (ср. упоминавшееся выше дело *Streletz, Kessler and Krenz*, §§ 53-55).

239. Суд отмечает, что национальные суды признали заявителя виновным в государственной измене в форме шпионажа. «Шпионаж» – одна из форм государственной измены, указанная в статье 275 Уголовного кодекса Российской Федерации и конкретизированная в статье 276 этого кодекса. В соответствии со статьей 276 преступление в виде «шпионажа» не ограничено передачей государственной тайны иностранному агенту, а включает также собирание и передачу «иных», то есть несекретных сведений по заданию иностранной разведки.

240. Правительство отметило, что национальные суды установили все составляющие элементы преступления в виде «шпионажа» в действиях заявителя. Так, было установлено, что заявитель имел частые контакты с г-ном Ч., который являлся представителем разведывательной службы Южной Кореи. В документах, полученных из Агентства планирования национальной безопасности, указывалось, что заявитель является его резидентом в Москве. Заявитель скопировал некоторые рабочие документы по списку, подготовленному г-ном Ч., и передал их ему. Национальные суды сочли эти элементы достаточными для того, чтобы признать заявителя виновным в государственной измене в форме шпионажа, учитывая в

особенности, что это преступление не обязательно связано с передачей информации, составляющей государственную тайну. Суд считает, что такая интерпретация соответствовала существу преступления в виде шпионажа, как оно определено российским законом.

241. Рассматривая, во-вторых, мог ли заявитель разумно предвидеть интерпретацию шпионажа национальными судами в рассматриваемый период, Суд отмечает, что и Уголовный кодекс РСФСР (статьи 64 и 65), и Уголовный кодекс Российской Федерации определяют понятие «шпионажа» одинаковыми положениями. В этих положениях недвусмысленно указывается на собирание «иных сведений» (т.е. не составляющих государственную тайну) по заданию иностранной разведки. Суд считает, что последствия неподчинения этим законам были в достаточной мере предсказуемы не только с помощью юридического совета, но также и с точки зрения здравого смысла (ср. *Kuolelis and Others v. Lithuania*, nos. 74357/01, 26764/02 и 27434/02, § 121, 19 February 2008). Кроме того, Суд повторяет, что интерпретация подпадающего под преступление, которая, как в данном деле, соответствовала существу преступления, должна, как правило, считаться предсказуемой (см. *Jorgic v. Germany*, no. 74613/01, § 109, ECHR 2007-... (extracts)). Следовательно, не имело место нарушение статьи 7 Конвенции.

242. Как отмечал Суд выше, преступление в виде государственной измены в форме шпионажа включает в себя как действия, связанные со сведениями, составляющими государственную тайну, так и действия с несекретной информацией. На определение этих действий законом не влияет, признаны ли совершенными в конкретном деле один или оба вида действий. Учитывая, что правовое определение в обоих случаях одинаково, Суд не усматривает какой-либо правовой базы для того, чтобы полагать, что в каком-либо из этих случаев было бы наложено более суровое наказание. В таких обстоятельствах, учитывая вышеуказанное заключение о том, что осуждение заявителя за передачу несекретных сведений не составляло нарушения статьи 7 Конвенции, Суд не считает необходимым отдельно рассматривать, мог ли заявитель разумно предусмотреть, что он будет осужден по той же статье Уголовного кодекса за передачу чувствительных сведений, которые впоследствии были признаны составляющими государственную тайну.

Х. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ОГРАНИЧЕНИЯМИ НА СВИДАНИЯ С РОДСТВЕННИКАМИ

243. На основании статьи 8 Конвенции заявитель жаловался на незаконные и несоразмерные ограничения на свидания с родственниками. В статье 8 предусматривается:

“1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц”.

А. Аргументы сторон

244. Заявитель указывал, что ему не разрешались свидания с родственниками в течение первых девяти месяцев после ареста. В последующие периоды свидания были ограничены по количеству и времени: ему разрешалось два свидания в месяц по часу каждое. Кроме того, он был отделен от жены или дочери стеклянной перегородкой и мог говорить с ними только по внутреннему телефону в присутствии надзирателя. Помимо этого, ввиду установившейся практики Верховного Суда, ему не разрешались свидания с родственниками с 3 марта по 5 сентября 2000 года и с 7 декабря 2001 года по 10 января 2002 года, когда рассматривались его кассационные жалобы на приговор суда

245. Правительство утверждало, что во время предварительного следствия следователь «обоснованно ограничивал» свидания заявителя с родственниками, руководствуясь статьей 18 Закона О содержании под стражей. В последующие периоды свидания заявителя с родственниками разрешались регулярно.

В. Оценка Суда

246. Суд повторяет, что содержание под стражей, как и любая другая мера, лишаящая человека свободы, влечет за собой неотъемлемое ограничение личной и семейной жизни. Тем не менее, существенным элементом права заключенного на уважение семейной жизни является то, что власти дают ему возможность, а при необходимости помогают ему в поддержании контактов с его

близкими родственниками. Такие рестрикции, как наложение ограничений на количество свиданий с родственниками, наблюдение за этими свиданиями и, если это оправдано характером преступления, определение заключенному специального режима содержания или специального режима встреч являются вмешательством в права, предусмотренные статьей 8, но сами по себе не нарушают ее. Однако любое ограничение подобного рода должно накладываться «в соответствии с законом», должно преследовать одну или более законных целей, указанных в разделе 2, и к тому же быть обоснованным как «необходимое в демократическом обществе» (см. среди прочего *Estrikh v. Latvia*, no. 73819/01, § 166, 18 January 2007; *Kučera v. Slovakia*, no. 48666/99, § 127, ECHR 2007-... (extracts); и *Klamecki v. Poland (no. 2)*, no. 31583/96, § 144, 3 April 2003).

247. Заявитель утверждал, а правительство не опровергло, что в некоторые периоды его содержания под стражей ему вообще не разрешались свидания с родственниками, в другие периоды они ограничивались двумя часовыми встречами в месяц и что он всегда был отделен от родственников решеткой и стеклянной перегородкой. Суд считает, что эти ограничения являются вмешательством в право заявителя на уважение его семейной жизни (см. *Messina v. Italy (no. 2)*, no. 25498/94, § 62, ECHR 2000-X). Он теперь рассмотрит, было ли каждое из вышеуказанных ограничений обосновано в настоящем деле.

1. Запрет на свидания с родственниками

248. Заявителю вообще не разрешались свидания с родственниками с июля 1998 года по апрель 1999 года, с марта по сентябрь 2000 года, а также с декабря 2001 года по январь 2002 года

249. В первую очередь Суд должен рассмотреть, был ли запрет на свидания «в соответствии с законом». Вмешательство основывалось на статье 18 Закона О содержании под стражей, в которой предусматривается дискреционное право следователя разрешать до двух свиданий в месяц. Суд, следовательно, убежден, что запрет имел обоснование в национальном законодательстве. Суд напоминает, однако, что выражение «в соответствии с законом» не просто требует того, чтобы оспариваемая мера имела обоснование в национальном законе, но относится также и к качеству этого закона. Закон должен быть достаточно четким с точки зрения формулировки, чтобы должным образом указать человеку обстоятельства и условия, при которых государственные власти имеют право прибегать к оспариваемым мерам. Помимо этого, национальное законодательство должно предусматривать меры правовой защиты от произвольного вмешательства государственных властей в права, гарантированные Конвенцией. В вопросах, затрагивающих фундаментальные права, правовое усмотрение, данное чиновнику и выраженное как

неограниченная власть, не соответствовало бы главенству закона. Соответственно, закон должен обозначать с достаточной ясностью пределы любого такого усмотрения, данного компетентным властям, и способ его реализации с учетом законной цели конкретной меры с тем, чтобы предоставить человеку соответствующую защиту от произвольного вмешательства (см., например, *Lupsa v. Romania*, no. 10337/04, §§ 32 and 34, ECHR 2006-..., и *Al-Nashif v. Bulgaria*, no. 50963/99, § 119, 20 June 2002).

250. Суд отмечает, что Закон О содержании под стражей официально опубликован и потому доступен заключенным. Однако он не соответствует требованию предсказуемости, поскольку наделяет неограниченным усмотрением следователя в вопросе свиданий с родственниками, но не определяет обстоятельства, при которых в свиданиях может быть отказано. Оспариваемая статья не пошла далее того, чтобы предусмотреть возможность запретить свидания с родственниками без какого-либо упоминания о сроке этой меры и о причинах, которые могут обосновать ее применение. Не упоминается и о возможности опротестовать отказ дать разрешение или о том, может ли суд сделать это. Из этого следует, что в положениях российского закона, регулирующего свидания с родственниками, не указывается с разумной четкостью на пределы и способы реализации соответствующего усмотрения, данного государственным властям, и таким образом заявитель не имел минимальной защиты, на которую граждане имеют право в соответствии с принципом главенства закона в демократическом обществе (ср. *Ostrovar v. Moldova*, no. 35207/03, § 100, 13 September 2005, и *Calogero Diana v. Italy*, judgment of 15 November 1996, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-V, §§ 32-33). Ввиду вышеизложенного, Суд считает, что запрет на свидания с родственниками не может считаться как «предписанный законом». В свете этого вывода нет необходимости оценивать, были ли соблюдены другие условия, изложенные в разделе 2 статьи 8.

251. Следовательно, имело место нарушение статьи 8 в связи с запретом заявителю на свидания с родственниками в указанные периоды содержания его под стражей.

2. Ограничения на периодичность и длительность свиданий

252. В остальной период содержания заявителя под стражей ему разрешалось иметь не более двух коротких свиданий в месяц.

253. Ограничение на периодичность и продолжительность свиданий заключенных с родственниками предусмотрено статьей 18 Закона О содержании под стражей, и потому имеет законную основу. Суд признает, что ограничение преследует законную цель защиты национальной безопасности и предотвращения беспорядков и преступлений.

254. Что касается необходимости оспариваемой меры в демократическом обществе, то Суд напоминает, что в ряде итальянских дел он уже рассматривал режим содержания в значительной степени такой же, в котором находился заявитель. Этот режим ограничивал количество свиданий с родственниками до не более двух в месяц и предусматривал отделение заключенных от посетителей стеклянной перегородкой. Принимая во внимание специфический характер феномена организованной мафиозной преступности, в которой семейные связи часто играют решающую роль, Суд отмечал, что специальный режим являлся эффективным средством для предотвращения контактов заключенных членов мафии с внешним миром и недопущения того, чтобы они могли организовать и осуществить преступления внутри и вне тюрьмы. Это привело Суд к признанию того, что в критической ситуации расследования мафии, проводимого итальянскими властями, обжалуемые меры были необходимы и соразмерны законной цели (см. среди прочих упоминавшееся выше дело *Messina (no. 2)*, §§ 65-67, и *Indelicato v. Italy (dec.)*, no. 31143/96, 6 July 2000).

255. В настоящем деле правительство не выдвинуло ни одного аргумента для обоснования ограничений, кроме ссылки на соответствующую статью Закона О содержании под стражей. Суд с озабоченностью отмечает, что Закон О содержании под стражей ограничил максимальное количество свиданий с родственниками двумя в месяц в общем, не предоставляя никакой гибкости для определения, подходят ли такие ограничения или действительно ли они нужны в каждом конкретном случае. Что касается ситуации заявителя, то Суд не в состоянии усмотреть необходимость для таких строгих ограничений на периодичность и продолжительность свиданий с родственниками. Он отмечает, что жена заявителя не была ни свидетелем, ни обвиняемой по его уголовному делу, что исключало риск сговора или другое препятствование сбору доказательств (см., в противоположность этому упоминавшееся выше дело *Kučera*, § 130; *Bagiński v. Poland*, no. 37444/97, § 92 et seq., 11 October 2005; и упоминавшееся выше дело *Klamecki*, § 135). То же самое можно сказать и о дочери заявителя, которая в то время была еще несовершеннолетней. Кроме того, соображения безопасности, относящиеся к криминальным семейным связям, которые были признаны обоснованными в вышеуказанных итальянских делах, со всей очевидностью отсутствовали в данном деле. В таких условиях и учитывая продолжительность ограничений на свидания заявителя с родственниками, Суд приходит к выводу, что они выходили за пределы того, что необходимо в демократическом обществе для «предотвращения беспорядков и преступлений». Действительно, рассматриваемая мера сократила семейную жизнь заявителя до такой

степени, которую нельзя обосновать ни присущими содержанию под стражей ограничениями, ни преследованием законной цели, на которую ссылалось правительство. Суд поэтому считает, что власти не смогли обеспечить благоприятный баланс пропорциональности между примененной мерой и целью, которой стремились достичь.

256. Следовательно, имело место нарушение статьи 8 в связи с ограничениями на периодичность и продолжительность свиданий с родственниками.

3. Отделение стеклянной перегородкой

257. Суд отмечает, что правительство не сослалось ни на один правовой или нормативный акт как на основание для установки стеклянной перегородки в кабинке для свиданий заключенных с посетителями. Положение, которое можно считать позволяющим это, можно найти в Правилах внутреннего распорядка следственных изоляторов Министерства юстиции (параграф 147, приказ № 148 от 12 мая 2000 года). Однако это положение не применимо в деле заявителя, поскольку в то время следственный изолятор «Лефортово» был вне юрисдикции Министерства юстиции, а принадлежал Федеральной службе безопасности. Хотя сопоставимое положение могло содержаться и в правилах для следственных изоляторов, находящихся под юрисдикцией Федеральной службы безопасности, такие правила, если они были приняты в соответствии с требованием статьи 16 Закона О содержании под стражей, никогда не были опубликованы или доведены до сведения общественности другим способом. Отсюда следует, что обсуждаемая мера не была «предписана законом».

258. В любом случае Суд повторяет, что, хотя физическое отделение заключенного от посетителей может быть оправдано в некоторых делах соображениями безопасности (см. упоминавшиеся выше итальянские дела, а также нидерландские дела, касающиеся режима содержания, призванного предотвратить побег: *Van der Ven v. the Netherlands*, no. 50901/99, § 71, ECHR 2003-II, и *Lorsé and Others v. the Netherlands*, no. 52750/99, § 85, 4 February 2003), эта мера не может считаться необходимой при отсутствии какой-либо установленной угрозы безопасности (см. *Ciorap v. Moldova*, no. 12066/02, § 117, 19 June 2007). Как Суд признал выше, в настоящем деле не было соображений безопасности, оправдывающих применение таких ограничений. Помимо этого, Суд отмечает, что заявителю запрещался физический контакт с посетителями на протяжении всего срока содержания под стражей, т.е. более трех с половиной лет. Воздействие такого длительного периода времени, крайне негативно, должно быть, отразившегося на заявителе и его родственниках, является еще одним фактором в пользу вывода о том, что оспариваемая мера была непропорциональной (ср. упоминавшееся выше дело *Ciorap*, § 118).

Итак, Суд считает, что при отсутствии какой-либо оправданной необходимости для таких серьезных ограничений права заявителя на семейную жизнь рассматриваемая мера не может быть оправдана на основании второго раздела статьи 8.

259. Следовательно, имело место нарушение статьи 8 в связи с физическим отделением заявителя от родственников стеклянной перегородкой.

XI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ОГРАНИЧЕНИЯМИ НА КОРРЕССПОНДЕНЦИЮ

260. На основании статьи 8 Конвенции заявитель жаловался на незаконные и непропорциональные ограничения на его корреспонденцию.

A. Аргументы сторон

261. Заявитель утверждал, что его входящая и исходящая корреспонденция подвергалась цензуре. Кроме того, ему разрешалось иметь при себе полученные письма только в течение суток. Администрация изолятора ограничивала количество фотографий, которое родственники могли послать ему. Ему не разрешалось иметь в камере более двух фотографий. Заявитель утверждал, что эти ограничения не были основаны на каком-либо национальном законе и были непропорциональными.

262. Правительство утверждало, что цензура корреспонденции заявителя осуществлялась в соответствии со статьей 20 Закона О содержании под стражей.

B. Оценка Суда

263. Заявитель утверждал, а правительство подтвердило, что его входящая и исходящая корреспонденция подвергалась цензуре или контролю. Хотя ни правительство, ни заявитель не уточнили конкретную форму этой меры, представляется, что, по крайней мере, его письма вскрывались и читались в его отсутствие администрацией следственного изолятора «Лефортово». Помимо этого, правительство не оспаривало, что специальные ограничения накладывались на количество семейных фотографий, которое заявитель мог иметь в камере. Эти меры означали вмешательство в реализацию права заявителя на уважение его переписки.

264. Суд повторяет, что любое «вмешательство государственных властей» в право на уважение переписки будет противоречить статье 8 Конвенции, если оно не осуществлялось «в соответствии с законом»,

не преследовало одну или более законных целей, указанных во второй части этой статьи, и было «необходимым в демократическом обществе» для их достижения (см. среди прочего *Silver and Others v. the United Kingdom*, judgment of 25 March 1983, Series A no. 61, p. 32, § 84; *Campbell v. the United Kingdom*, 25 March 1992, Series A no. 233, p. 16, § 34; и *Niedbala v. Poland*, no. 27915/95, § 78, 4 July 2000).

265. Суд убежден, что вмешательство основывалось на статье 20 Закона О содержании под стражей. Как он установил выше в пункте 257, это единственное общедоступное правовое положение, регулирующее ситуацию заявителя, поскольку применение правил для следственных изоляторов, принятых Министерством юстиции, было неприемлемым для следственного изолятора «Лефортово», находившемся в ведении Федеральной службы безопасности, и поскольку правила Федеральной службы безопасности, если и были приняты, то никогда не были преданы гласности.

266. Как напоминалось выше в пункте 249, выражение «в соответствии с законом» относится также и к качеству рассматриваемого закона, который с достаточной ясностью должен указывать на пределы любого усмотрения, данного компетентным властям, и способы его реализации. В статье 20 Закона О содержании под стражей предусматривается цензура всей корреспонденции заключенных в целом без разграничения категорий корреспонденции, как, например, личная переписка и переписка с адвокатом. Суд уже устанавливал, что такая форма цензуры, которая практически дает право администрации следственного изолятора на огульный и постоянный контроль над корреспонденцией заявителя, является несовместимой со статьей 8 Конвенции (см. *Čiapas v. Lithuania*, no. 4902/02, § 25, 16 November 2006, и *Jankauskas v. Lithuania*, no. 59304/00, § 22, 24 February 2005). Этот вывод применим *a fortiori* в обстоятельствах настоящего дела, где Закон О содержании под стражей давал администрации следственного изолятора неограниченное усмотрение в вопросах цензуры, не определяя продолжительность и пределы этой меры, оснований, дающих право на ее применение или способа ее применения – вскрытие, чтение, прекращение, сокрытие или другая форма контроля. Кроме того, Закон О содержании под стражей не предусматривает независимое рассмотрение пределов и продолжительности мер по цензуре. Отсутствие каких-либо гарантий от произвольного использования усмотрения администрацией следственного изолятора вылилось в исключительное и необычное ограничение для заявителя, такое как запрет иметь в камере более двух фотографий и держать при себе письма более суток. Отсюда следует, что положения российского законодательства не предусматривают меру правовой защиты от произвольного вмешательства государственных властей в право

заявителя на уважение его корреспонденции. Оспариваемые ограничения на корреспонденцию заявителя, следовательно, не могут рассматриваться как «предписанные законом». В свете вышеизложенного вывода нет необходимости выяснять, выполнены ли другие требования параграфа 2 статьи 8.

267. Следовательно, имело место нарушение статьи 8 в связи с необоснованными ограничениями на корреспонденцию заявителя.

XII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

268. Статья 41 Конвенции предусматривает:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

A. Материальный ущерб и моральный вред

269. Что касается компенсации за материальный ущерб, то заявитель требовал 53.594,60 долларов США за утрату дохода и 13.611,40 долларов США за собственность, конфискованную по решению суда. Заявитель также требовал 799.620 евро в качестве компенсации за моральный вред.

270. Ссылаясь на дело *Калашикова* (упоминается выше), правительство утверждало, что требования заявителя чрезмерны, неадекватны и необоснованны. Оно указало, что законность конфискации не оспаривалась в настоящем деле.

271. Суд отмечает, что решение о возбуждении уголовного дела в отношении заявителя не являлось предметом его рассмотрения в настоящем деле. Нет причинной связи между установленными нарушениями и предполагаемой потерей заработка. Жалоба, касающаяся предполагаемого нарушения имущественных прав заявителя, не выдвигалась на разбирательство Суда. В свете вышеизложенного Суд отклоняет требования заявителя о компенсации за материальный ущерб.

272. Что касается компенсации за моральный вред, то Суд отмечает, что в настоящем деле он установил сочетание серьезных нарушений основных прав заявителя. Более трех лет заявитель провел в заключении в бесчеловечных и унижающих достоинство условиях, его часто перевозили в суд и обратно и содержали в здании суда в условиях, которые также были бесчеловечными и унижающими достоинство. Содержание его под стражей не имело достаточных оснований и было чрезмерно продолжительным. Его право на

справедливое судебное разбирательство и правовую помощь было нарушено. Ему длительное время отказывали в праве встречаться с родственниками, и строгие ограничения были наложены на его корреспонденцию. При таких обстоятельствах Суд считает, что страдания и фрустрация заявителя не могут быть компенсированы простым установлением нарушения. Основываясь на справедливой оценке, Суд присуждает заявителю 25.000 евро за моральный вред плюс сумму всех налогов, которыми они могут облагаться.

В. Расходы и издержки

273. Заявитель требовал 9.552,92 долларов США в качестве компенсации за судебные издержки и 12.960 долларов США за продукты питания и лекарства, которые родственники передавали ему в следственный изолятор.

274. Правительство указало, что заявитель не представил чеки на покупку продуктов питания и лекарств, а в счетах на оказание правовой помощи отсутствуют имя адвоката и номер дела.

275. Суд отмечает, что расходы, относящиеся к приобретению продуктов питания и лекарств, не могут быть определены условиями содержания, которые привели к установлению нарушения статьи 3. Поэтому он отклоняет эту часть требований. Суд далее считает, что из требований, касающихся судебных издержек, должна быть вычтена определенная сумма в связи с тем, что некоторые жалобы заявителя были признаны неприемлемыми. Рассмотрев имеющиеся в его распоряжении материалы, Суд присуждает заявителю 5.000 евро за минусом 1.027 евро, уже выплаченных в качестве освобождения от платы за юридическую помощь, в компенсацию расходов и издержек плюс сумму всех налогов, которые должен заплатить заявитель на эту сумму.

С. Неустойка

276. Суд считает нормальным, что неустойка должна основываться на предельной учетной ставке Европейского центрального банка, к которой должно быть добавлено три процентных пункта.

ОСНОВЫВАЯСЬ НА ВЫШЕИЗЛОЖЕННОМ, СУД
ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя в следственном изоляторе «Лефортово»;
2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями транспортировки заявителя из следственного изолятора в суд и обратно;
3. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя в здании Московского городского суда;
4. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 5 § 3 Конвенции;
5. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции;
6. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 6 § 1 Конвенции в связи с отсутствием независимости и беспристрастности у Московского городского суда;
7. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 6 § 1 Конвенции в связи с невыполнением требования о «разумном сроке»;
8. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 6 §§ 1 и 3 (b) и (c) Конвенции;
9. *Постановил*, что не имело место нарушение статьи 7 Конвенции;
10. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции в связи с необоснованными ограничениями на свидания с родственниками;
11. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции в связи с необоснованными ограничениями на корреспонденцию заявителя;
12. *Постановил*
 - (а) что государство-ответчик должно в течение трех месяцев со дня, когда в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции постановление станет окончательным, выплатить заявителю

следующие суммы в переводе в российские рубли по курсу на день выплаты:

(i) 25.000 (двадцать пять тысяч) евро за моральный вред плюс сумму всех налогов, которыми они могут облагаться;

(ii) 3.973 (три тысячи девятьсот семьдесят три) евро за расходы и издержки плюс налог, который должен заплатить заявитель;

(b) что по истечении вышеупомянутых трех месяцев до выплаты взимается простой процент на вышеуказанную сумму по ставке, равной предельной учетной ставке Европейского центрального банка в период просрочки платежа, плюс три процентных пункта;

13. *Отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и предано гласности в письменном виде 9 октября 2008 года в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Андре Вампах
Заместитель регистратора

Христос Розакис
Председатель